

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность

(код и наименование направлению подготовки, специальности)

Оперативно-розыскная деятельность

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Международные преступления в национальном праве: проблемы имплементации»

Студент

Н.М. Мелихов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, О.Ю. Савельева

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Аннотация

Актуальность: Всеобщей тенденцией современного уголовного права является выделение в законодательстве практических всех государств и Российской Федерации в том числе, разделов или глав, посвященных преступлениям, посягающим на интересы, охраняемые нормами международного права.

Цель –выявление проблем, возникающих в процессе их имплементации национальным законодательством некоторых зарубежных стран и Российской Федерации.

Задачи: дать уголовно-правовую характеристику международных преступлений против мира; провести уголовно-правовой анализ преступлений геноцида; определить типологию уголовно-правовых систем и основания выбора модели имплементации; исследовать модели имплементации норм международного уголовного права в уголовное законодательство стран англо-американской правовой семьи; исследовать специфику имплементационных норм международного уголовного права в уголовное законодательство Российской Федерации.

Структура: введение, три главы, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Международные преступления в национальном праве	8
1.1 Понятие международных преступлений в российском уголовном праве	8
1.2 Виды международных преступлений	13
Глава 2 Уголовно-правовая характеристика отдельных международных преступлений	20
2.1 Преступления против мира	20
2.2 Преступление геноцида	25
2.3 Преступления против человечности	30
2.4 Военные преступления	35
Глава 3 Модели и специфика имплементации норм международного уголовного права в уголовное законодательство зарубежных стран и России	43
3.1 Типология уголовно-правовых систем и основания выбора модели имплементации	43
3.2 Модели имплементации норм международного уголовного права в уголовное законодательство стран англо-американской правовой семьи	49
3.3 Модели имплементации норм международного уголовного права в уголовное законодательство стран романо-германской правовой семьи	55
3.4 Специфика имплементации норм международного уголовного права в уголовное законодательство России	62
Заключение	71
Список используемой литературы и используемых источников	76

Введение

Всеобщей тенденцией современного уголовного права является выделение в законодательстве практических всех государств и Российской Федерации в том числе, разделов или глав, посвященных преступлениям, посягающим на интересы, охраняемые нормами международного права. Связано это с тем, что данные преступления международного характера имеют тягчайшие последствия для всего населения мира.

Вместе с тем, в правовой регламентации международных преступлений имеется ряд проблем, как научно-теоретического, так и правового и практического плана, среди которых можно выделить лишь некоторые из них.

Во-первых, понятие «международное преступление» не является легально определенным. В связи с чем, в доктрине появляются различные концепции понимания данной категории, с целью ее универсализации. Однако, по мнению некоторых ученых, такие попытки обречены на провал [63, с. 13], по мнению других, «международное преступление» является метафоричным понятием, означающим нарушение, как уголовного, так и международного права [103]. В тоже время, нельзя отрицать того факта, что международное преступление является самостоятельной научно-правовой конструкции уголовного и международного права [13, с. 28], что и предопределяет необходимость исследования и разработки его понятия.

Во-вторых, определенную сложность представляет вопрос о перечне международных преступлений, который не может являться закрытым и находится в постоянном дополнении другими видами преступлений в соответствии с тенденциями меняющегося мира. Например, несмотря на то, что международной практике уголовно-правовой борьбы с международными преступлениями известны преступления против человечности, однако национальное уголовное законодательство Российской Федерации, с одной стороны, приняв на себя международные обязательства в части обеспечения

международного мира и безопасности человечества, с другой стороны, не установило самостоятельную норму об уголовной ответственности за данный вид международного преступления.

В-третьих, много вопросов теоретического и практического характера возникает по поводу правовой природы имплементации норм международного уголовного права в национальное уголовное законодательство. Возникает потребность в комплексном исследовании не только действующего российского уголовного законодательства в части международных преступлений, но и зарубежного. Более того, некоторые имплементационные нормы отечественного уголовного законодательства несовершенны с точки зрения юридической техники и не соответствуют нормам международного права, что создает трудности при их толковании в правоприменительной практике.

Таким образом, все выше изложенное обуславливает актуальность и важность исследования темы настоящей выпускной квалификационной работы – «Международные преступления в национальном праве. Проблемы имплементации».

Объект исследования - общественные отношения, возникающие в процессе реализации имплементированных норм международного уголовного права в национальном уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран и Российской Федерации.

Предмет исследования - нормы международного уголовного права, уголовного права зарубежных стран и Российской Федерации, регламентирующие уголовную ответственность за международные преступления, а также материалы правоприменительной практики и доктринальные источники.

Цель выпускной квалификационной работы – научно-теоретический анализ международных преступлений и выявление проблем, возникающих в процессе их имплементации национальным законодательством некоторых зарубежных стран и Российской Федерации.

Задачи исследования, позволяющие достичь, поставленную цель:

- определить понятие и место международных преступлений в российском уголовном праве;
- рассмотреть виды международных преступлений и вопросы, связанные с их классификацией и систематизацией;
- дать уголовно-правовую характеристику международных преступлений против мира;
- провести уголовно-правовой анализ преступлений геноцида;
- рассмотреть преступления против человечности;
- исследовать в уголовно-правовом аспекте военные преступления;
- определить типологию уголовно-правовых систем и основания выбора модели имплементации;
- исследовать модели имплементации норм международного уголовного права в уголовное законодательство стран англо-американской правовой семьи;
- выявить особенности имплементационных моделей закрепления международных преступлений в законодательстве стран романо-германской правовой семьи;
- исследовать специфику имплементационных норм международного уголовного права в уголовное законодательство Российской Федерации.

Теоретической базой исследования являются труды следующих ученых, научный круг интересов которых определен международными преступлениями: Р.А. Адельханян, А.В. Берко, Н.А. Головановой, Е.И. Грубовой, Р.А. Елисеева, И.С. Иксанова, А.Г. Кибальник, А.К. Князькиной, Н.И. Костенко, Т.И. Курносковой, Д.В. Лобач, К. Осакве, Б.И. Осминина, Г.А. Русанова, О.И. Сакаевой, Н.А. Сафарова, А.Ю. Скуратовой, А.В. Староверова, Е.Н. Субботина, Е.Н. Трикоз и др.

Методологическая основа исследования: сравнительно-правовой, формально-юридический и метод системного анализа.

Выпускная квалификационная работа структурно состоит из введения, трех глав, десяти параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

В первой главе выпускной квалификационной работы исследуется понятие и виды международных преступлений и определяется их место в национальном уголовном праве.

Во второй главе проводится уголовно-правовой анализ отдельных видов международных преступлений, в частности это преступления против мира, геноцида, человечности и военные преступления.

В третьей главе исследуются модели и специфика имплементации норм международного уголовного права в уголовное законодательство стран англо-американской, романо-германской правовых семей и Российской Федерации.

Глава 1 Международные преступления в национальном праве

1.1 Понятие международных преступлений в российском уголовном праве

Международное уголовное право появляется одновременно с возникновением государств. Первым институтом международного уголовного права являлся институт экстрадиции, который был известен еще в конце XIX века. И только после Второй мировой войны в ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала от 8 августа 1945 г. [112] был определен круг международных преступлений. По словам И.П. Сафиуллиной Устав Нюрнбергского трибунала стал «началом разработки новых принципов международного права и, прежде всего, международно-правовых норм об индивидуальной ответственности физических лиц за международные преступления, не ограниченной никакими сроками давности» [94, с. 11].

Именно с этого момента можно говорить о начале формирования международного уголовного права, как самостоятельной отрасли права, одной из важнейшей частей предмета которого являются международные преступления. Введение в международно-правовой оборот понятия «международные преступления» явилось ответом государств на агрессивные и захватнические войны, в результате которых уничтожались материальная культура народов, мирное население, сопровождавшееся издевательствами над ним [33, с. 41], что представляло опасность для всего мира и человечества [120].

Государства начинают активизировать свои усилия в решении проблем международной преступности и противодействия ей, что является их общей и совместной обязанностью [62].

В связи с тем, что самого понятия «международное преступление» Устав Нюрнбергского трибунала, а также другие принятые международные документы, направленные на противодействие международной

преступности, не содержат, в доктрине появляются различные концепции понимания данной категории, с целью ее универсализации [103]. При этом, некоторые ученые считают обреченными на провал попытки определить понятие «международные преступления» [63, с. 14]. По мнению С.В. Черниченко термин «международное преступление» метафоричен и означает нарушение равно как уголовного, так и международного права [121].

Однако ученые, не отрицают наличие международного преступления как самостоятельной научно-правовой конструкции уголовного и международного права [13, с. 28], что и предопределяет необходимость исследования и разработки его понятия.

Далее следует провести краткий обзор существующих определений понятия «международное преступление».

Например, по мнению П.С. Дагель «международные преступления направлены против народа в целом, подрывают основы мирного сосуществования и сотрудничества государств, мир и безопасность целых народов, совершаются официальными лицами от имени государства, установленную нормами международного права ответственность за которые несут государства от имени которых действовали непосредственные исполнители или которые будучи обязанными пресечь эти действия, не сделали этого» [16, с. 313].

Некоторые ученые международные преступления определяют посредством объекта уголовно-правовой охраны как:

- «особо опасные для человеческой цивилизации нарушения принципов и норм международного права, имеющих основополагающее значение для обеспечения мира, защиты личности и жизненно важных интересов международного сообщества в целом» [8, с. 394];
- преступления, ответственность за которые предусмотрена нормами международного уголовного права [7, с. 296].

Можно привести и другие определения международных преступлений.

Например, А.К. Князькина международные преступления определяет посредством перечисления отдельных видов, которые посягают на мировой порядок в целом [35, с. 190].

Е.Н. Трикоз к международным преступлениям относит преступления, закрепленные в международных документах [104, с. 24].

По мнению О.Ф. Эфендиева, международные преступления представляют собой особо опасные преступления, которые влекут тяжкие последствия для человека и предусмотрены нормами международного права [124, с. 41].

Приведенные выше определения международного преступления обобщенно можно сформулировать как признаваемое международным правом преступное деяние [54, с. 29].

При этом основной акцент ученые делают на то, что международные преступления направлены на причинение вреда общественным отношениям, являющимся объектом международной и уголовно-правовой охраны и посягают на основные принципы международного права, обеспечивающие мир и безопасность человечества.

Однако, А.Б. Барихин считает необоснованным сужать общественную опасность международных преступлений только принципами и нормами международного права [3, с. 306]. Соглашаясь с такой позицией ученого, следует отметить, что международные преступления причиняют вред не только международным отношениям, но и объектам уголовно-правовой охраны национальных государств.

Противоречивым выглядят и следующие попытки ученых сформулировать понятие международного преступления.

Например, Н.И. Ветров предлагает международные преступления определять как деяния, совершаемые отдельными лицами против мира и безопасности человечества [11, с. 500].

В.Л. Толстых, считая, что международное преступление является криминологической категорией, осложненной иностранным элементом

[102, с. 647-648], под таковыми предлагает понимать «запрещенные международным правом деяния индивидов, выступающих от имени государства или участвующих в осуществлении государственной политики, а также частными лицами» [102, с. 653].

Однако, Р.В. Нигматуллин международное преступление рассматривает как преступление, совершенное перед международным сообществом и представляющее собой нарушение государством обязательств, являющихся основополагающими для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества [71, с. 27].

Следует привести определение международного преступления, сформулированное А.Н. Королевым, который определяет его как особо опасное международное правонарушение, посягающее на общепризнанные принципы международного права и затрагивающее законные интересы государств, которые вправе применять международно-правовые санкции [49, с. 46].

В данном определении А.Н. Королев указывает на государство, которое вправе в отношении правонарушителя применять санкции, предусмотренные нормами международного права.

Как можно заметить, в своих определениях, одни ученые указывают на то, что международные преступления совершают отдельные лица, а по мнению других – само государство.

По мнению же Е.И. Грубовой признание субъектом международного преступления государства противоречит положениям национального уголовного права, согласно которому субъектом признается физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности (ст. 19 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [109; 15, с. 30]. При этом, другие ученые полагают, что субъектом международного преступления является государство, а физическое лицо – это субъект преступления международного характера [121, с. 419].

В связи с изложенными, криминализация международного преступления в национальном праве осложняется отсутствием точного перечня субъектов данного деяния.

Следствием изложенной выше несогласованности среди ученых относительно понятия международного преступления отражается и на его признаках.

А.Н. Королев и Е.В. Попаденко называют следующие признаки международного преступления:

- «правовой основой криминализации международного преступления является его закрепление в нормах международного права;
- обладает особо опасным характером;
- объектом международного преступления являются жизненные интересы и благополучие народов, основные принципы международного права и основы международных отношений;
- причинно-следственная связь между политикой государства и совершаемым деянием;
- умысел направлен на нарушение интересов не только отдельного государства, но и против интересов всех государств;
- применяемые санкции в отношении нарушителя закреплены в нормах международного права;
- обязательства, выполнение которых на основе принципа добровольности обеспечивает международное право, не имея адресного назначения;
- субъектом заявленных действий по обеспечению таких обязательств выступает любой член международного сообщества» [49, с. 46; 79, с. 26].

Е.И. Грубова справедливо обращает внимание на то, что признаки международного преступления отличаются от признаков преступления и представляют собой совокупность положений международного и уголовного права, что подтверждает комплексную природу данного института.

Изложенное, позволяет выделить следующие основополагающие признаки международного преступления:

- деяние;
- обладает повышенной степенью общественной опасности и особо опасным характером;
- закреплено в нормах международного права.

Таким образом, под международным преступлением следует понимать общественно опасное деяние, имеющие особо опасный характер и закрепленное в нормах международного права.

1.2 Виды международных преступлений

Развитие общественных отношений, происходящее в последние десятилетия, породило появление новых форм негативных проявлений, которые следует отнести к категории общественно опасных. Одновременное повышение мобильного потенциала мирового сообщества привело к тому, что в результате преступной деятельности причиняется вред не только охраняемым интересам отдельной личности и конкретного общественного формирования общества, но и сосуществованию целых государств, процессу их взаимодействия между собой. Принимаемые международно-правовые документы нацелены в своем большинстве на политику противодействия наиболее вредоносным явлениям. Научное сообщество отреагировало на подобную международно-правовую активность появлением множества подходов к пониманию и истолкованию сути зарождающихся явлений, попытками их классифицировать и обозначить в национальном законодательстве. Институт международного преступления как негативного социального явления является не только объектом пристального изучения ученых-правоведов, но и предметом острых научных дискуссий [14, с. 16].

Наиболее часто встречающееся мнение - отождествление международных преступлений с деяниями, предусмотренными главой

«Преступления против мира и безопасности человечества» [73, с. 48].
Представляется, что использование данных понятий в качестве синонимов методологически ошибочно, поскольку последние являются частью наиболее большой группы преступных деяний.

В Большой юридической энциклопедии международные преступления подразделяются на преступления общего и особенного характера [7, с. 296]. В первую классификационную группу относятся деяния, предусмотренные главой 34 УК РФ, в остальную - иные деяния.

Н.А. Зелинская предлагает двухуровневую классификацию международных преступлений:

- по криминальности: деяния, криминализованные национальным уголовным правом и международным;
- по юрисдикции: международные экстрадиционные преступления, транснациональные преступления, международно-правовые преступления [31, с. 103].

Н.Ф. Кузнецова разработала иную двухфазную классификацию международных преступлений: преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера. Причем внутри первой группы она выделяет составляющие второй, а именно деяния, предусмотренные ст. 359 УК РФ («Наемничество») и ст. 360 УК РФ («Нападение на лиц и учреждения, которые пользуются международной защитой») [55, с. 322].

В.А. Номоконов международные преступления разделил на преступления, предусмотренные нормами международного права и преступления с «иностранным элементом» или с «международными связями». В качестве «инострannого элемента» можно предопределить объект – интересы иностранного государства, объективная сторона – местом совершения преступления является территория иностранного государства, либо субъект – лицо, имеющее гражданство иного государства, либо соучастники являются гражданами разных стран [72, с. 5].

Имеет место и классификация по субъекту: международные преступления, совершаемые государствами и совершаемые физическими лицами [22, с. 44].

В доктрине обозначена позиция, что международные преступления являются частью более широкой группы деяний - конвенциональных преступлений и преступлений в международном праве [79, с. 26].

Конвенциональные преступления – все предусмотренные международными договорами общественно опасные посягательства в международно-правовой сфере, наказуемость которых должна быть установлена в национальном законодательстве [36, с. 6-7].

Другой спорной составляющей является проведение критериев разграничения международных преступлений и преступлений международного характера. Составной частью международных преступлений, по мнению большинства ученых-правоведов, являются преступления международного характера, предусмотренные в силу широкой распространенности и значительной общественной опасности, как соответствующими международными конвенциями, так и нормами внутреннего уголовного законодательства. Критерием отличия международных преступлений от преступлений международного характера при этом предлагается считать наличие или отсутствие непосредственной причинной связи деяния с деятельностью государства [2, с. 18].

Рассмотрев имеющиеся дефиниции преступления международного характера, под последними следует понимать деяния, предусмотренные в силу их широкой распространенности и значительной общественной опасности, как соответствующими международными конвенциями, так и нормами внутреннего уголовного законодательства [120, с. 469].

Одновременно с этим необходимо заметить, что ряд авторов отождествляют обозначенные деяния и в ряде случаев не представляется возможным провести критерии их разграничения. Так, например, под преступлениями международного характера предлагается понимать «деяния

индивидов или группы лиц, посягающие равно как на национальный интерес, так и на международный правопорядок, представляя общественную опасность для двух или нескольких государств» [71, с. 27].

Таким образом, в настоящее время внутри института международного преступления существуют различные классификационные системы, основанные на различных системообразующих критериях.

По способу возникновения международные преступления подразделяются на:

- «преступления, включенные в УК РФ во исполнение международного договора (конвенционные);
- преступления, ответственность за которые появилась прежде в уголовном законодательстве, а затем уже был заключен международный договор (конвенциональные);
- деяния, криминализованные до принятия государством обязательств по международному договору, но вследствие такого принятия состав преступления был изменен;
- преступления, появившиеся в УК РФ именно в связи с международным договором, т.е. до принятия государством обязательств по нему;
- преступления, предусмотренные международным договором, имеющим обязательную силу для государств, но еще не имплементированным во внутреннее законодательство» [35, с. 191].

По характеру предлагается выделять: преступления общие и особенные [7, с. 296]. К первой категории относятся деяния, предусмотренные главой 34 УК РФ, в остальную — иные деяния. Следует отметить, что подобное разделение принято и в зарубежной доктрине [90, с. 712].

В основу классификационного критерия международных преступлений считается возможным положить объект уголовно-правовой охраны.

Наиболее часто встречающаяся позиция — отождествление международных преступлений с деяниями, предусмотренными главой 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества» [79, с. 26]. Как

представляется, использование данных понятий в качестве синонимов методологически неверно, поскольку имеет место несовпадение объектов. Так, международное право и международное уголовное право в частности, в качестве основополагающих ценностей международного сообщества признают «мир, безопасность и благополучие» (Преамбула статута Международного уголовного суда). Эти три ценности, находящиеся под охраной - мир, безопасность и благополучие — нельзя, по мнению профессора Верле, строго отделить друг от друга. Международный мир и безопасность, находящиеся в центре внимания международного уголовного права, в то же самое время являются главными целями Организации Объединенных Наций. Таким образом, международное уголовное право базируется на широком понимании мира, которое подразумевает не только отсутствие вооруженного конфликта между государствами, но также и условия внутри государства. Поэтому существование угрозы международному миру может подразумеваться даже в результате массовых нарушений прав человека внутри государства [10, с. 39-40];

По субъекту международные преступления классифицируют на: совершаемые государствами и физическими лицами (гражданами государства) [22, с. 44].

Международные преступления классифицируют также:

- по тяжести последствий [23, с. 12, 14];
- по наличию или отсутствию непосредственной причинной связи деяния с деятельностью государства выделяют непосредственно сами международные преступления и преступления международного характера, предусмотренные в силу широкой распространенности и значительной общественной опасности, как соответствующими международными конвенциями, так и нормами внутреннего уголовного законодательства [2, с. 18];
- по источнику формализации: декларационные преступления, конвенционные преступления;

- по юрисдикции: транснациональные преступления и международно-правовые преступления [31, с. 103];
- по территориальной распространенности: конвенционные и преступления международного характера; транснациональные преступления, характеризующиеся фактом выхода преступного деяния за границу государства либо выходом из его юрисдикции [54, с. 30];

А.Ю. Скуратова все международные преступления разделяет на:

- преступления против мира;
- преступление геноцида;
- преступления против человечности;
- военные преступления [96].

Как видно до сих пор разработаны лишь контуры доктрины международных преступлений, понятийный инструментарий еще только формируется путем систематической регистрации и классификации структурных элементов, являющихся общими для всех преступлений, входящих в обозначенную категорию.

Исходя из выше изложенного, можно предположить следующее. Преступления будут носить международный характер только тогда, когда будут посягать на «международный интерес» либо же по причине трансграничной природы преступления, порождая необходимость и целесообразность международного реагирования [10, с. 58], что в свою очередь и будет служить первейшим критерием их разграничения от иных общественно опасных деяний. Представленные же классификационные группы, в свою очередь, должны быть нацелены в основном, не на дробление международных преступлений на более мелкие структурные единицы, а на более четкое выделение их из общей массы преступлений с целью эффективного преследования и противодействия данным общественно опасным деяниям.

Проведенный в первой главе анализ позволяет сделать следующие выводы:

- было сформулировано понятие международного преступления как общественно опасного деяния, имеющего особо опасный характер и закрепленное в нормах международного права.
- проведенный анализ видов международных преступлений позволил сделать вывод о том, что международное преступление - это комплексное понятие, включающее в себя как деяния, чья объективная сторона выходит за пределы одного государства, так и те действия, которые совершаются против граждан самого государства. Однако, основополагающим является в данном случае признание того или иного действия на уровне международного документа обязательным для криминализации национальным законом.

В следующей части настоящей выпускной квалификационной работы все международные преступления будут рассмотрены в предлагаемой А.Ю. Скуратовой классификации.

Глава 2 Уголовно-правовая характеристика отдельных международных преступлений

2.1 Преступления против мира

В доктрине не выработано понятие преступления против мира.

А.Ю. Скуратов выделяет ряд признаков, которыми характеризуются преступления против мира:

- не существует универсального определения данного преступления, имеющего юридически обязательный характер, так как наряду с общим подходом к международно-правовой квалификации соответствующих деяний в качестве преступных на нормативном уровне отсутствует единообразие при определении элементов состава данного преступления;
- определение наличия угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии является исключительным полномочием Совета Безопасности ООН.

Изначально на международном уровне к международным преступлениям, направленным против мира относилась агрессия, криминализованный в начале XX столетия, основа которой была заложена рядом договоров международного характера [20]. В 1933 году были подписаны две Лондонские конвенции об определении агрессии [45]. В 1974 году Генеральная Ассамблея ООН принимает резолюцию «Определение агрессии» [87]. В связи с чем, не удивительно, что большинство ученых признают синонимичными такие категории, как «преступления против мира» и «агрессия» [96, с. 6]. Однако, другие ученые справедливо полагают, что «преступление против мира» является более широким понятием, которое включает агрессивную войну как одну из своих подкатегорий [125].

Д.В. Лобач, предлагает к преступлениям против мира, относить не только преступления, совершаемые в форме агрессии, но и незаконный оборот оружия массового поражения и международный терроризм [61, с. 13].

Последние два вида преступлений, по мнению ученого, относятся к неокриминальным деяниям, которые некриминализованы международным правом, хотя и осуждаются им, а их противоправность выражена политико-правовым запрещением.

Действительно, если обратиться к нормам международного права, то рядом международных документов провозглашен запрет ядерных испытаний [18], размещение на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения [19], разработка, производство, накопление и применение химического [39], бактериологического (биологического) и токсинного оружия [38] и др. Более того, к примеру, в Российской Федерации криминализована уголовная ответственность за незаконный оборот оружия массового поражения, т.е. за его разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт (см. ст. 355 УК РФ).

Поэтому следует согласиться с теми учеными, которые считают, что незаконный оборот оружия массового поражения является преступлением против мира [28].

Что касается международного терроризма, то он является «собирательным понятием», включающим различные виды терроризма, как преступления международного характера [61, с. 14], которые несут в себе угрозу для международного мира и стабильности международных отношений.

При этом международный терроризм может проявляться в различных формах: политические убийства, поджоги, взрывы, похищения, захват самолетов, кораблей, государственных учреждений и т.д. Кроме того, появляются новые виды международного терроризма, вызванные развитием компьютерных технологий. Речь идет, к примеру, о кибертерроризме, представляющий глобальную угрозу всему человечеству. Так, совершенный 11 сентября 2001 года террористический акт сопровождался кибератаками на навигационные системы Нью-Йоркского аэропорта [5, с. 68]. На сайты

государственных органов и воинских частей Франции 12-18 января 2015 года была совершена серия атак хакерами из Алжира и Туниса [122, с. 27].

В настоящее время на борьбу с преступностью в сфере компьютерной информации направлена Европейская конвенция от 23 ноября 2001 года [44]. Кроме того, на противодействие антикриминальному регулированию виртуальных активов направлены принятые Директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза 2019 о борьбе с мошенничеством и подделкой безналичных средств платежа [58, с. 9], о предупреждении использования финансовой системы в целях отмывания денег и финансирования терроризма [17].

Однако, кибертерроризм будет квалифицироваться как международное преступление в том случае, если объектом его посягательства выступает международный мир и безопасность либо противоправное использование компьютерных технологий и информационных сетей является способом совершения международного терроризма.

В связи с изложенным в настоящее время для осуществления эффективной борьбы с международным кибертерроризмом необходимо разработать правовую базу, в которой должны быть определены понятие и уголовно-правовая характеристика кибертерроризма [5, с. 69].

Особое внимание в данной части исследования необходимо уделить агрессии, как традиционному международному преступлению, направленному против мира.

Положение об агрессивной войне закреплено в ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала, согласно которой преступления против мира включают: планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений и заверений либо участие лица в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий. Однако следует заметить, в данной статье Устава Нюрнбергского трибунала речь идет только о преступлениях, подсудных данному Трибуналу.

В Резолюции Генеральной Ассамблеей ООН 1974 года «Определение агрессии» агрессия признается «преступлением против международного мира», которая влечет международную ответственность и состоит в «применении вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН, как это установлено в настоящем определении» (ст. 2 Резолюции 1974 года). Из данного положения можно выделить основной критерий противоправности применения вооруженной силы, которым является «принцип первенства или учета хронологической последовательности событий - принцип Литвинова – Политеса» [88, с. 84-85].

В ст. 3 Резолюции 1974 года приведен конкретный перечень действий, которые должны квалифицироваться как акт агрессии:

- вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни имела, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы территории другого государства либо части ее;
- бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;
- блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства;
- нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства;
- применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении,

или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения;

- действие государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим другим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;
- засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, имеющие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них.

Агрессия не может быть оправдана необходимостью политического, экономического, военного или иного характера.

Например, Европейский Суд по правам человека в Постановлении по делу «Саргсян (Sargsyan) против Азербайджана» сделал вывод о запрете третьим государствам предпринимать военную акцию против материнского государства под предлогом того, что сепаратистское население имеет право на самоопределение [81].

Важно также заметить, что рассматриваемая Резолюция 1974 года не имеет юридически обязательного характера. Разработке общепринятого определения преступления агрессии был поднят в ходе подготовки текста Римского статута Международного уголовного суда [89]. Однако данное определение так и не было выработано, а предложение взять за основу текст Резолюции 1974 г. не нашло существенной поддержки.

Таким образом, преступления против мира представляют собой виновные противоправные деяния в форме агрессии, актов международного терроризма и незаконного оборота оружия массового поражения, предусмотренные международным договором и направленные против международного мира.

2.2 Преступление геноцида

Геноцид, являясь тягчайшим международным преступлением, несет в себе угрозу мирному сосуществованию государств и народов и безопасности всего человечества [67, с. 34].

В 1948 году была принята Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [43].

Конвенции 1948 г. под геноцидом понимает действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, как таковую.

К таким действиям Конвенция относит:

- убийство;
- причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства;
- преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение;
- меры, рассчитанные на предотвращение деторождения;
- насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

А.Г. Упоров выделяет следующие формы совершения геноцида:

- физическое истребление группы населения;
- социально-экономическое воздействие для вымирания населения или отдельных групп;
- биологическое воздействие с целью прекращения деторождения;
- уничтожение языковых, культурных и духовных основ жизни народов [111, с. 20].

В ст. III Конвенции 1948 г. перечислены пять деяний, влекущих наказание. Это прежде всего, геноцид, заговор в целях совершения геноцида,

прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида, покушение и соучастие в геноциде.

Важно обратить внимание на то, что действия Конвенции 1948 года распространяются только на национальную, этническую, расовую или религиозную группу, т.е. принадлежность к которым не обусловлена добровольным волеизъявлением индивида [127].

В доктрине не все ученые согласны с таким узким подходом к объекту правовой охраны Конвенции 1948 г. Например, Г.А. Русанов, полагает, что критериями существования какой-либо группы, которая должна охраняться нормами Конвенции 1948 года являются стабильность и постоянство, в связи не упускаются из виду другие объединения, такие, например, как политические группы, сексуальные меньшинства [91, с. 148]. Возразить ученому также можно тем, что участие в политических сообществах и прочих подобных объединениях связано с волеизъявлением самого индивида, тогда как Конвенцией 1948 года охраняются группы принадлежность к которым не связана с волеизъявлением.

Кроме того, на практике признается, что объектом охраны Конвенции 1948 года являются не только группы, прямо перечисленные в упомянутой статье, но и вообще «все стабильные и постоянные группы» [128]. Однако, такая трактовка не представляется правильной, так как в Конвенции 1948 г. не указано на то, что перечень групп является открытым.

Объектом геноцида является не отдельный человек или группа людей, а определенная группа представителей населения. При этом, индивид как жертва геноцида становится таковым только по причине его принадлежности или связи с определенной группой лиц. Поэтому, элемент массовости преступных деяний при квалификации геноцида не имеет решающего значения.

Например, в решении по делу № IT-05-88/2-T «Обвинитель против Толимира» в связи с убийством трех лидеров анклава боснийских мусульман в Жепе (мэра муниципального образования, который к тому же являлся

ведущим религиозным деятелем, военачальником и главой подразделения гражданской обороны) отмечено, что, «хотя убитых было только трое, с учетом размера Жепы они составляли там ядро гражданского и военного руководства». В связи с этим их убийство «представляло собой пример умышленного уничтожения ограниченного количества лиц, выбранных исходя из того, как их исчезновение повлияет на выживание группы как таковой». Более того, убийство одного из этих трех человек, который в то время имел особый статус защитника боснийских мусульман Жепы, имело знаковое значение для выживания боснийских мусульман Восточной Боснии и Восточной Герцеговины. С учетом изложенного, а также принимая во внимание насильственное перемещение остальных жителей Жепы, большинство судей Судебной камеры вне всякого разумного сомнения установили, что войска боснийских сербов убили троих лидеров анклава в Жепе с конкретным намерением совершить геноцид, уничтожив часть мусульманского населения Боснии как такового [82].

А.Ю. Скуратов справедливо обращает внимание на то, что определяющим фактором должно являться не количество жертв преступления, а субъективная сторона, т.е. цель уничтожить полностью или частично национальную, расовую, религиозную либо этническую группу как таковую.

Иными словами, для факта совершения геноцида достижение конечного результата уничтожения группы не является главным. Достаточно совершить любое из деяний, предусмотренных данной статьей Конвенции 1948 г., с явным намерением добиться полного или частичного уничтожения группы как таковой. Слова «как таковую» подчеркивают это намерение уничтожить подлежащую защите группу [80].

Преступление геноцида входит в предметную юрисдикцию Международного уголовного суда в соответствии со ст. 6 Римского статута. Элементы состава данного преступления в Римском статуте воспроизводят положения ст. II Конвенции 1948 года. В ст. 6 Римского статута для

квалификации деяний как геноцида необходимо установить наличие следующих элементов, характеризующих объективную и субъективную стороны преступления:

- исполнитель убил одно или несколько лиц либо причинил серьезные телесные повреждения или умственное расстройство одному или нескольким лицам. При этом следует заметить, что умственное расстройство должно являться не следствием сложившейся стрессовой ситуации, а именно намерением причинить вред потерпевшему [91, с. 148];
- такое лицо или лица принадлежали к конкретной национальной, этнической, расовой либо религиозной группе;
- исполнитель имел умысел уничтожить полностью или частично эту национальную, этническую, расовую либо религиозную группу как таковую;
- это деяние имело место в контексте явной линии аналогичного поведения, направленного против этой группы, или являлось поведением, которое само по себе могло привести к такому уничтожению.

При квалификации деяния в качестве преступления геноцида, совершенного посредством принятия мер, рассчитанных на предотвращение деторождения в определенной группе, и посредством насильственной передачи детей из идентифицируемой группы необходимо наличие следующих элементов, характеризующих объективную и субъективную стороны преступления:

- исполнитель принял определенные меры в отношении одного или нескольких человек;
- такое лицо или лица принадлежали к конкретной национальной, этнической, расовой или религиозной группе;

- исполнитель имел умысел уничтожить полностью или частично эту национальную, этническую, расовую либо религиозную группу как таковую;
- принятые меры были рассчитаны на предотвращение деторождения в рамках этой группы;
- указанные деяния имели место в контексте явной линии аналогичного поведения, направленного против этой группы, или являлись поведением, которое само по себе могло привести к такому уничтожению;
- исполнитель осуществил насильственную передачу одного или нескольких человек;
- передача была осуществлена из одной человеческой группы в другую;
- такое лицо или лица были в возрасте младше 18 лет, и исполнитель знал или должен был знать, что это лицо или лица были в возрасте младше 18 лет.

Ответственность за геноцид несет как непосредственный исполнитель, так и, к примеру, глава государства или правительства, который отдает приказ совершить преступление или, имея на то возможность, не предпринимает никаких действий с целью предотвратить или прекратить совершающиеся преступления. Пункт 2 ст. 33 Римского статута признает приказы о совершении геноцида незаконными.

Таким образом, можно выделить следующие элементы состава геноцида:

- основной объект – безопасность человечества;
- дополнительный объект – жизнь и здоровье личности, культура;
- потерпевшие – национальные, этнические, расовые и религиозные группы;
- объективная сторона – действия, перечисленные в ст. II Конвенции 1948 года;

- субъективная сторона – умышленная форма вины и наличие цели – стремление к полному или частичному уничтожению национальной, этнической, расовой или религиозной группы;
- субъект преступления общий, т.е. физическое лицо, а также государство.

2.3 Преступления против человечности

Концепция преступлений против человечности берет свое начало с Преамбулы II Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1899 года и IV Конвенции 1907 года [126], содержащих оговорку, ссылающуюся на законы человечности.

Современная концепция преступлений против человечности впервые была введена в международно-правовой оборот 8 августа 1945 года в Уставе Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, в котором в п. «с» ст. 6 были перечислены данные виды преступлений. К таким преступлениям согласно указанной нормы Устава относились: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

В современной доктрине существует спор относительно тождественности таких понятий, как «преступления против человечности» и «преступления против человечества».

Т.И. Курносова, проведя анализ ряда международных документов, в которых используются данные категории, делает вывод об их тождественности. Свой вывод исследователь обосновывает тем, что

появление рассматриваемых двух понятий связано со спецификой перевода. В связи с чем, по мнению Т.И. Курносовой данные преступления относятся к одному виду преступлений и «направлены против человечества как совокупности людей, человечности» [57, с. 17].

Однако наиболее логичной представляется позиция С.П. Кубанцева, который видит разницу между преступлениями против человечества и преступлениями против человечности.

Действительно, «безопасность человечества» шире чем «человечность» [53, с. 108]. Если обратиться к этимологии слов «человечество» и «человечность», то разница на лицо. Так, человечество понимается как люди, человеческий род [74, с. 615], а человечность гуманность, человеческое отношение к окружающим [101].

В связи с чем, следует согласиться с Д.В. Лобач, который под преступлениями против человечности понимает «сознательно совершаемые в рамках масштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц... бесчеловеческие деяния..., заключающиеся в умышленном причинение сильных страданий или серьезных телесных повреждений или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью» [60, с. 117-118].

Определившись с тем, что преступления против человечности имеют все предпосылки быть самостоятельным видом международных преступлений, следует выделить их особенности, отличающие от других международных преступлений.

Однако, прежде следует отметить, что в настоящее время отсутствует единый международно-правовой документ, содержащий полный перечень данных преступных деяний, в связи с чем несмотря на практически идентичный их перечень в различных документах отличаются их квалифицирующие признаки.

Традиционно к преступлениям против человечности относятся: убийства, истребление, порабощение, пытки, заключение в тюрьму,

депортация, насильственные исчезновения людей, преследование по расовым, политическим или религиозным мотивам, преступление апартеида и другие преступления, направленные против гражданского населения.

Статья 7 Римского статута содержит перечень преступлений против человечности из которого в качестве объекта, объединяющего их в одну группу преступлений А.Ю. Скуратов называет права и свободы гражданского населения [96, с. 24]. Объективная сторона предполагает не только совершение активных действий, но и преступное бездействие (например, непринятие соответствующих мер для прекращения совершающихся преступлений против гражданских лиц).

Можно выделить ряд квалифицирующих признаков:

- наличие вооруженного конфликта (ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала, ст. 5 Устава Международного трибунала по Югославии [114]);
- нападение на гражданское население по национальным, политическим, этническим, расовым или религиозным мотивам должно широкомасштабным или систематическим (ст. 3 Устава Международного трибунала по Руанде [113]);
- преступные деяния совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любое гражданское население (ст. 7 Римского статута).

Следует обратить внимание на то, что в ст. 7 Римского статута отсутствует указание на обязательность совершения преступных действий в условиях вооруженного конфликта в отличие от Нюрнбергского трибунала.

Кроме того, важно рассмотреть смысл такого признака, как «систематически», т.е. в соответствии с заранее продуманным планом, который состоит в том, чтобы исключить случайные преступные деяния, которые не были совершены в рамках общего плана или политики. Термин «нападение на гражданское население» понимается как линия поведения, включающая многократное совершение актов, указанных в п. 1 ст. 7

Римского статута, против любых гражданских лиц, предпринимаемых в целях проведения политики государства или организации, направленной на совершение такого нападения, или в целях содействия такой политике. При этом указанные действия не обязательно должны представлять собой военное нападение. Наличие среди группы гражданского населения небольшого количества солдат не лишает ее статуса гражданской.

Положение о сознательном действии лица, виновного в совершении преступлений против человечности, не следует толковать как требующее доказательства того, что исполнитель был осведомлен обо всех характеристиках нападения или точных деталях плана либо политики государства или организации. В случае нападения, являющегося широкомасштабным или систематическим, субъективная сторона налицо, если исполнитель намеревался способствовать такому нападению.

Таким образом, элементы состава преступлений против человечности перечисляются по следующей схеме. Вначале указываются признаки объективной стороны противоправного действия: исполнитель убил одно или несколько лиц. В качестве следующего признака предусматривается наличие того обстоятельства, что данное преступное деяние «было совершено в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население». Последним указывается признак субъективной стороны: «Исполнитель знал, что деяние является частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, или имел умысел сделать его частью такого нападения».

Следует также обратить внимание на то, что в ст. 7 Римского статута в качестве одного из видов преступлений против человечности назван апартеид. Однако в Международной конвенции о пресечении преступления апартеида и наказания за него [66], апартеид рассматривается как одна из форм проявления геноцида.

Чтобы разобраться с этим вопросом необходимо сравнить геноцид и апартеид.

Объектом апартеида являются мир и безопасность человечества, а дополнительным объектом – жизнь, здоровье, личная свободы и иные гражданские права и свободы человека, относящегося к определенной расовой группе. Именно принадлежность индивида к расовой группе отличает апартеид от геноцида, который как уже было указано выше, направлен не только против определенной расовой группы, но и против национальной, этнической или религиозной группы.

Объективная сторона апартеида имеет схожие формы с геноцидом и состоит в лишении члена или членов расовой группы права на жизнь и свободы посредством убийства, причинения телесных повреждений, умственного расстройства, произвольного ареста, умышленного создания жизненных условий рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение расовой группы, а также любые меры образующие систему политика апартеида и др.

Однако отличительной особенностью является цель апартеида – установление и поддержание господства одной расовой группы на другой и ее систематическое угнетение [85, с. 5].

Важно то обстоятельство, что в отношении преступлений против человечности, равно как и военных преступлений, не применяются сроки давности; данное положение было закреплено в Конвенции 1968 г. о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности [41].

В заключение рассмотрения преступлений против человечности, следует сделать вывод о необходимости восполнения такого важного пробела как отсутствие единого систематизированного международного акта, посредством принятия Конвенции о преступлениях против человечности в которой отразить следующие вопросы:

- установить позитивные юридические обязательства государств-участников по отношению к преступлениям против человечности (осуществление уголовного преследование, предупреждение и

сотрудничество в сфере борьбе с преступлениями против человечности);

- закрепить понятие преступлений против человечности;
- зафиксировать возможность распространения на преступления против человечности универсальной юрисдикции.

2.4 Военные преступления

Термин «военные преступления» используется в самых разных значениях для определения различных нарушений, так или иначе связанных с военными действиями и/или наличествующим вооруженным конфликтом.

Формирование юридического концепта «военных преступлений» связано со становлением международного гуманитарного права с середины XIX в. Прямые запреты на применение определенных средств и методов ведения войны («законы и обычаи войны») появились с принятием первых конвенций защите во время войны раненых и больных лиц из состава вооруженных сил, а также международно-правовых актов конца XIX - начала XX вв. о запрещении использования того или иного вида оружия в ходе вооруженного конфликта. В настоящее время не подвергается сомнению то обстоятельство, что основополагающими международными документами, определяющими формально-правовой характер военных преступлений, являются:

- Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. [24; 25; 26; 27] и Дополнительные протоколы к ним 1977 г. [21];
- ряд конвенций о запрещении использования тех или иных методов и средств ведения вооруженного конфликта (например, Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. [40]);
- «устанавливающие» документы современных органов международной уголовной юстиции: уставы международных

трибуналов по Руанде и бывшей Югославии, Римский Статут Международного уголовного суда 1998 г.

Особое значение для понимания сущности военных преступлений имеют решения Нюрнбергского и Токийского трибуналов, а также международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии. Эти решения являются повсеместно приемлемыми актами международного обычного права, признаваемыми подавляющим большинством современных государств, включая Россию.

В современной российской доктрине национального и международного уголовного права, несмотря на терминологическую разницу, имеется определенное смысловое единство в понимании термина «военные преступления». При этом особо подчеркивается, что в основе регламентации правил ведения военных действий и всемерной защиты военнопленных и представителей гражданского населения в ходе вооруженных конфликтов находится тезис, выдвинутый Ф.Ф. Мартенсом на Гаагской конференции 1899 г., смысл которого заключается в том, что население и воюющие стороны всегда «остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания» [1, с. 52].

В начале XXI в. в отечественной доктрине отмечен отход от понимания военных преступлений на «праве войны», распространявшем свое действие лишь на государства в ходе международного вооруженного конфликта.

Также наблюдается постепенный отказ от использования термина «законы и обычаи ведения войны». В конце прошлого столетия все чаще говорилось о «праве вооруженных конфликтов», которое, в силу II Дополнительного Протокола к Женевским конвенциям, распространено в отношении вооруженных конфликтов немеждународного характера. В чем наблюдается последовательное единство российских авторов: практически все они связывают современное понимание военных преступлений с

нарушениями международного гуманитарного права, призванного всемерно защищать лиц, не принимавших или прекративших принимать участие в военных действиях, а также на ограничение средств и методов ведения войны [6, с. 25-27].

Одним из «краеугольных» вопросов современной доктрины является обсуждение тезиса о том, относятся ли военные преступления только к «сфере действия» международного гуманитарного права?

И на этот вопрос подавляющее большинство авторов дает отрицательный ответ [6, с. 20].

С теми или иными вариациями и уточнениями, не меняющими общего смысла, российские авторы определяют термин «военные преступления». Например, И.Ю. Белый определяет военное преступление как «предусмотренное в акте международного уголовного права виновно совершенное общественно опасное деяние, посягающее на установленное основополагающими принципами международного права и международным гуманитарным правом правила ведения вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера» [4, с. 50].

С.А. Лобанова военные преступления определяет как «серьезные нарушения международного гуманитарного права, применяемого в вооруженных конфликтах (международных и немеждународного характера), влекущие индивидуальную уголовную ответственность в соответствии с международным уголовным правом» [59, с. 218].

Соглашаясь, в принципе, с вышеприведенными позициями, П.П. Степанов предлагает в дефиницию военного преступления добавить указание на его «контекстуальный элемент», разработанный в решениях международных судов *ad hoc* - непосредственную связь с вооруженным конфликтом международного либо немеждународного характера [98, с. 96].

По большому счету, с этим предложением можно согласиться. Как указывает А.Г. Кибальник, в решениях Международного трибунала по бывшей Югославии указано, что обязательным «контекстуальным

элементом» военного преступления является «очевидная связь» совершенного деяния с фактически существующим вооруженным конфликтом международного или немеждународного характера [69, с. 231]. Более того, необходимость установления «контекстуального элемента» военного преступления существует при квалификации такого деяния не только по международному уголовному праву, но и по соответствующим нормам внутреннего уголовного законодательства (например, по ст. 356 УК РФ). Это правило следует в силу выполнения международных обязательств о признании практики современных международных трибуналов *ad hoc* в деятельности органов национальной уголовной юстиции [34, с. 453].

Тем не менее, необходимо сказать, что некоторые российские авторы при определении термина «военные преступления» продолжают исходить из доктрины «законов и обычаев ведения войны» - правда, с рядом оговорок [50, с. 234].

Так, Н.И. Костенко делает общий вывод о том, что признание того или иного деяния в качестве военного преступления ставится в зависимость от следующих «специфических критериев»: совершено ли оно «в рамках целенаправленного плана или политики»; наличествует ли «широкомасштабность» совершения таких деяний [50, с. 265].

В зарубежной доктрине военные преступления понимаются как «серьезные нарушения» обычных и договоренных норм международного гуманитарного права, которое также называется «международным правом вооруженных конфликтов».

С учетом практики международных судов *ad hoc* военное преступление должно обладать следующими признаками:

- совершенное деяние является «серьезным нарушением» международного гуманитарного права и «наносит значительный ущерб» важным защищаемым ценностям либо влечет «серьезные последствия» для жертвы;

- нарушение права должно выражаться в нарушении обычного права либо нормы применимого договора;
- нарушение должно влечь индивидуальную уголовную ответственность для лица, его совершившего;
- совершенное деяние должно состоять в прямой связи с идущим вооруженным конфликтом международного либо внутреннего характера [106, с. 135].

Военное преступление, по словам А. Кассезе, может быть совершено комбатантами или гражданскими лицами, являющимися частью вооруженного конфликта, против комбатантов, гражданских лиц и «невоенных целей» (например, объектов частной собственности) другой стороны, являющейся участницей вооруженного конфликта [125].

Схожее по смыслу определение военного преступления предлагает К. Киттичайзари. По его мнению, таким преступлением является нарушение норм международного гуманитарного права, совершенное в ходе вооруженного конфликта (как международного, так и внутреннего). Однако «не каждое преступление, совершенное в ходе вооруженного конфликта, является военным преступлением». Оно должно быть «тесно связанным» с вооруженным конфликтом. Наконец, любой человек может нести уголовную ответственность за совершение военных преступлений: «не только солдаты, ... члены правительства, политики и официальные лица, промышленники и бизнесмены, судьи и прокуроры, врачи и медперсонал, палачи и надзиратели концентрационных лагерей» - ответственности может подлежать любой «человек с улицы» [127].

По мнению Г. Верле, международное гуманитарное право «содержит значительное количество достаточно подробно сформулированных норм, не каждое нарушение которых является преступлением». Военное преступление представляет собой, прежде всего, «нарушение нормы международного гуманитарного права, отраженное в договоре либо признанного в международном обычном праве». При этом обязательным является то

обстоятельство, что «в соответствии с международным договором или международным обычным правом, норма гуманитарного права дополняется уголовной санкцией за ее нарушение». И эта «уголовная санкция» всегда связана с нарушением предписания международного гуманитарного права в отношении вооруженного конфликта международного или немеждународного характера [10, с. 482].

Также в зарубежной доктрине остро дебатруется вопрос о применимости международно-правового определения «военные преступления» в национальной уголовно-правовой системе. Надо отметить, что в последнее время все большее количество авторов доказывают возможность (а иногда - даже обязательность) восприятия национальным законодателем и правоприменителем понятия и юридической сущности военных преступлений, выработанных в нормах международного уголовного права и практике органов международной уголовной юстиции.

Данный тезис особенно важен для государств, не участвующих в Римском Статуте Международного уголовного суда, но для которых обязательными являются нормы международного обычного права, ведь ссылка на обычное право решает вопрос о «ясности и четкой формулировке военных преступлений. Прямое применение обычного права может оказаться наиболее востребованным в государствах, где нет национального законодательства» [129].

Общим условием квалификации деяний в качестве военных преступлений является наличие вооруженного конфликта.

К военным преступлениям Уставом Нюрнбергского трибунала были отнесены нарушения законов и обычаев войны, в том числе убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства либо истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или

деревень; разорение, не оправданное необходимостью; другие преступления [96, с. 34].

Для целей Римского статута военные преступления означают: серьезные нарушения Женевских конвенций от 12 августа 1949 г.; другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в международных вооруженных конфликтах в установленных рамках международного права. Отмечено, что ст. 8 Римского статута не свободна от недостатков, основным из которых является отсутствие запрета на использование в ходе вооруженного конфликта оружия, вызывающего излишние страдания, - химического, бактериологического, а также использование противопехотных мин. В текст Статута также не были включены положения о запрете умышленного создания голода среди гражданского населения, положение, касающееся неоправданной задержки репатриации военных или гражданских лиц, а также о намеренном причинении широкомасштабного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей среде.

Зафиксированная в п. 1 ст. 8 Римского статута формулировка имеет компромиссный характер: широкомасштабные преступные действия или условия их совершения в рамках плана либо политики не являются необходимыми элементами для квалификации преступных деяний в качестве военных преступлений, но могут быть приняты во внимание Прокурором Суда при решении вопроса о начале расследования [52, с. 35].

При квалификации деяний в качестве военных преступлений «Элементы преступлений» указывают, что они «должны толковаться в установленных рамках международного права вооруженных конфликтов, включая, в соответствующих случаях, нормы международного права вооруженных конфликтов, применимые к вооруженным конфликтам на море».

Проведенный во второй главе анализ позволяет сделать следующие выводы.

- преступления против мира – это виновные противоправные деяния в форме агрессии, актов международного терроризма и незаконного оборота оружия массового поражения, предусмотренные международным договором и направленные против международного мира.
- можно выделить следующие элементы состава геноцида: основной объект – безопасность человечества; дополнительный объект – жизнь и здоровье личности, культура; потерпевшие – национальные, этнические, расовые и религиозные группы; объективная сторона – действия, перечисленные в ст. II Конвенции 1948 года; субъективная сторона – умышленная форма вины и наличие цели – стремление к полному или частичному уничтожению национальной, этнической, расовой или религиозной группы; субъект преступления общий, т.е. физическое лицо, а также государство.
- необходимо принять Конвенцию о преступлениях против человечности в которой установить позитивные юридические обязательства государств-участников по отношению к преступлениям против человечности,
- для современной российской и зарубежной доктрины характерно принципиально схожее понимание термина «военное преступление» в международном уголовном праве. В настоящее время понимание военного преступления связано с серьезным нарушением норм международного гуманитарного права, связанного с идущим вооруженным конфликтом, за которое установлена уголовная ответственность. Одной из наиболее значимых тенденция стало требование признания сущности и признаков военных преступлений, выработанных обычным международным правом, в национальной уголовной юрисдикции.

Глава 3 Модели и специфика имплементации норм международного уголовного права в уголовное законодательство зарубежных стран и России

3.1 Типология уголовно-правовых систем и основания выбора модели имплементации

Тенденцией настоящего времени является процесс глобализации уголовного права, объясняемый сближением правовых систем [119, с. 73], что непосредственно отражается на процессе имплементации норм международного права в национальное уголовное законодательство.

Однако рассматривать процесс имплементации норм международного уголовного права невозможно в отрыве от типологии уголовно-правовых систем.

Под уголовно-правовой системой понимают единство уголовно-правовой доктрины, уголовно-правовых норм и правоприменительной практики. При этом, в уголовно-правовой доктрине отражается правовая культура и политика страны. Уголовно-правовые нормы являются составляющими действующего уголовного законодательства государства. Принципы, цели и задачи уголовного законодательства реализуются в процессе правоприменительной практики. Совокупность уголовно-правовых систем, объединенных общими признаками образуют уголовно-правовую семью.

Как известно, классической классификацией правовых систем, выработанной Рене Давидом, является выделение романо-германской правовой системы права, социалистической системы права, системы общего права [15].

К. Осаке, отмечает, что правовые системы по большей части имеют общие признаки в области частного права и при этом «неохотно заимствуют принципы публичного права», к которому относится и уголовное право в том

числе [76, с. 60]. При этом, ученый все уголовно-правовые системы предлагает разделить на уголовно-правовые системы континентально-европейского, англо-американского и внезападные (уголовно-правовые семьи мусульманского и иудейского права) [76, с. 60].

Е.Н. Субботин полагает, что классификация уголовно-правовых систем на системы общего, континентального, религиозного, общинного и обычного права достаточно пространна [99, с. 124]. В тоже время в зависимости от моделей и специфики имплементации норм международного уголовного права в национальное уголовное законодательство, ученый за основу классификации уголовно-правовых семей мира берет совокупность субъективных и объективных факторов и выделяет:

- англо-американскую уголовно-правовую семью (Великобритания, США и Канада);
- романо-германскую уголовно-правовую семью (Франция и Германия);
- скандинавскую уголовно-правовую семью (Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания, Исландия) [99, с. 127].

Автор настоящей работы в целях дальнейшего исследования моделей и специфики имплементации норм международного уголовного права в национальное уголовное законодательство, будет исходить из классической классификации правовых систем, на романо-германскую, систему общего права (англосаксонская правовая система), правовые системы стран социалистических и постсоциалистических стран и религиозные правовые системы (иудейское и мусульманское). При этом, соглашаясь с тем, что модели имплементации норм международного уголовного права в рамках религиозных правовых семей, имеющих более теоретический нежели практический аспект, рамки исследования будут ограничены рассмотрением уголовного законодательства стран англо-американской и романо-германской правовых семей.

Прежде чем приступить к непосредственному исследованию оснований выбора моделей имплементации, необходимо определиться с тем, что представляет собой имплементация как таковая.

В настоящее время в доктрине международного права многих государств мира, в том числе и Российской Федерации, прочно укрепилось понимание того, что термином «имплементация» обозначается реализация международных договоров. В современном русском языке синонимами слова «имплементация» являются существительные «исполнение», «воплощение», «реализация». Таким образом, имплементация представляет собой деятельность уполномоченных государством органов государственной власти по воплощению в жизнь обязательств, принятых на себя Российской Федерацией фактом ратификации международного договора.

По мнению О.И. Тиунова, имплементация международных договоров понимается в широком и узком значениях. В широком смысле слова имплементация означает практическое осуществление работы по совершенствованию действующего законодательства, что предполагает как создание новых правовых норм, так и принятие организационно-распорядительных мер, которые государство должно принять. В узком смысле слова имплементация предполагает исполнение государством обязанности непременно осуществить ряд внутригосударственных мер, направленных на создание и обеспечение исполнения правовых механизмов реализации норм, установленных международным правом [100].

Точка зрения, что имплементацию следует рассматривать применительно к сфере международных и внутригосударственных отношений, является традиционной. При этом мнение, что внутригосударственная сфера при реализации норм международно-правовых актов является главенствующей, является традиционной. Вместе с тем, значение этапов разработки проекта, заключения международного договора и других стадий договорного процесса такая оценка имплементации, как одной из стадий несколько его не снижает. Г.И. Курдюков по этому вопросу пишет,

что цель получения значимого социального результата не может быть достигнута без реализации международно-правовых норм, являющихся, по сути, средством его достижения [56, с. 61].

Базовым международно-правовым актом, регулирующим международно-договорной процесс, является Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. [9]. Несмотря на то, что в ней вопросы реализации международных договоров подробно не регулируются, некоторые важные положения, относящиеся к их выполнению, все же есть. Например, в ст. 26 Венской конвенции закреплено положение, согласно которому участники каждого находящегося в действии международного договора обязаны добросовестно выполнять его положения, какими бы они не были, а ст. 27 предусмотрена неправомерность невыполнения условий международного договора ссылками на нормы внутреннего законодательства. Соблюдение данного положения предполагает приведение внутреннего законодательства в соответствие с договорными обязательствами практически сразу со вступлением соответствующего договора в силу.

В настоящее время субъекты внутригосударственных отношений принимают все более и более активное участие в договорном процессе, а их интересы все более полно учитываются при разработке проектов международных договоров. Вместе с тем, хотя юридические лица и граждане пусть и опосредовано, но все-таки принимают участие в реализации международных обязательств, они все же не приобретают международной правосубъектности, а продолжают оставаться субъектами внутригосударственного права. Юридическую ответственность за невыполнение, либо ненадлежащее выполнение положений международного договора несет государство [97].

Таким образом, международный договор является правовым актом, на основе которого возникают как международные, так внутригосударственные

правоотношения, в том числе и связанные с международными преступлениями.

Совокупность правовых средств, используемых для обеспечения достижения целей международно-правового регулирования, представляют собой механизм имплементации [70, с. 110-111], структурными элементами которого являются закрепленные в национальном законодательстве правовые средства и система государственных органов осуществляющих все необходимые действия и представляющая собой организационную составляющую механизма [99, с. 66].

Кроме того, выделяют способы имплементации, к числу которых относятся:

- трансформация, т.е. модификация отдельных элементов международно-правовой нормы в национальном праве без изменения ее сущности;
- адаптация – изменяется внешняя составляющая международно-правовой нормы с учетом особенностей национальной правовой системы;
- инкорпорация при которой международная норма вносится в национальное законодательство без каких-либо изменений;
- рецепция предполагает, что конкретная норма международного договора включается в тот или иной нормативно-правовой акт национального законодательства;
- отсылка предполагает указание в нормах национального законодательства на применение правил международного договора, т.е. прямо отсылает к конкретному международному акту.

Выбор модели имплементации норм международного уголовного права в национальное законодательство имеет ряд общих для всех уголовно-правовых систем оснований:

- позиция государства по вопросу соотношения международного и внутригосударственного права;

- уголовно-правовая система конкретного государства, составными элементами которой являются: уголовное законодательство, уголовная политика государства, уголовная доктрина и правоприменительная практика [99, с. 132].

Особенно следует рассмотреть такое общее основание для выбора модели имплементации норм международного уголовного права в национальное уголовное законодательства, как соотношение международного и внутригосударственного права. В решении данного вопроса существуют два подхода.

Первый подход (монистический) предполагает рассмотрение международного и внутригосударственного права как право одноуровневого порядка и в одних случаях признается примат международного права, а в других – национального права.

Согласно второму подходу (дуалистический) международное и внутригосударственное право рассматриваются как разнопорядковые. При таком подходе можно выделить:

- страны, в которых международные договоры признаются частью внутригосударственного права;
- страны, в которых международное и национальное право строго разграничивается;
- страны, в которых международное право признается выше национального права.

Таким образом, под уголовно-правовой системой понимают единство уголовно-правовой доктрины, уголовно-правовых норм и правоприменительной практики. Выбор модели имплементации норм международного уголовного права в национальное законодательство имеет ряд общих для всех уголовно-правовых систем оснований. К таким основаниям относится позиция государства по вопросу соотношения международного и внутригосударственного права и национальные традиции, отражающиеся на уголовно-правовой системе конкретного государства.

3.2 Модели имплементации норм международного уголовного права в уголовное законодательство стран англо-американской правовой семьи

К странам англо-американской правовой семьи относятся: Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Гонконг.

В данной части исследования, модели имплементации норм международного уголовного права в уголовное законодательство стран англо-американской семьи будут рассмотрены на примере Великобритании, Канады и США.

В предыдущей части настоящей выпускной квалификационной работы было установлено, что выбор модели имплементации имеет ряд общих для всех уголовно-правовых систем оснований, к числу которых относятся:

- позиция государства по вопросу соотношения международного и внутригосударственного права;
- уголовно-правовая система конкретного государства.

Именно в соответствии с данными основаниями будут рассмотрены модели имплементации применительно к каждому отдельному государству.

Итак, как известно из истории права, Великобритания является страной общего права, частью правовой системы которой, признается не противоречащее и совместимое с актами парламента и судебными решениями, международное обычное право. Международные договоры, регулирующие международные преступления не являются частью права Великобритании и, следовательно, не могут непосредственно действовать в рамках ее правовой системы. Кроме того, в Великобритании отсутствуют статуты, регулирующие вопрос соотношения международного и внутригосударственного права.

Поэтому, обязательным условием реализации международных договорных обязательств в национальной правовой системе Великобритании возможно только посредством процедуры принятия национального

имплементационного законодательства. Организационной составляющей такого механизма имплементации норм международного уголовного права в национальное право Великобритании являются корона, правительство и парламент, взаимодействующие при заключении международных договоров и последующей их ратификацией. Так, международные договора, которые могут быть реализованы действующим законодательством или мерами административного характера, заключаются правительством и подписываются без условия их дальнейшей ратификации.

Зачастую международные договора подписываются под условием его ратификации. В таких случаях парламент принимает необходимое имплементационное законодательство посредством одного из следующих средств:

- ссылка на международный договор;
- изложение основных положений международного договора;
- текст международного договора прилагается в виде приложения к статуту [99, с. 136].

Как можно заметить, британский законодатель используют такие способы имплементации, как отсылку или рецепцию.

После принятия парламентом имплементационного законодательства, правительство выражает согласие на обязательность данного международного договора. Ратификацию осуществляет правительство от имени короны.

Особенностью уголовно-правовой системы Великобритании является отсутствие единого кодифицированного акта. Преступность и наказуемость конкретных деяний устанавливается отдельными статутами.

В соответствии с описанной моделью имплементации в уголовное законодательство Великобритании были имплементированы положения Конвенции о преступлении геноцида и наказания за него принятием Закона о геноциде 1969 года посредством приложения к данному закону текст указанной Конвенции.

В 2001 году Закон о геноциде 1969 года был отменен принятием Закона о Международному уголовном суде, в котором в ст. 51 содержатся положения о предупреждении и наказании за геноцид, а также приложение 8 с текстом Конвенции 1948 года.

Кроме того в Великобритании приняты ряд имплементационных законов в части реализации конвенционных положений о запрете оборота оружия массового поражения (Законы о биологическом оружии 1974 г., о химическом оружии 1996 г.).

Рядом отличительных особенностей обладает модель имплементации норм международного уголовного права во внутреннее законодательство Канады.

Прежде всего, следует отметить ряд особенностей уголовно-правовой системы Канады.

Во-первых, в отличие от Великобритании, в Канаде уголовное законодательство кодифицировано и действует Уголовный кодекс Канады [108], изменять и принимать который может только Парламент.

Во-вторых, при регламентации положений Общей части уголовного права, преобладают прецеденты и доктринальные источники [105, с. 138].

В организационном аспекте можно отметить также следующие особенности:

- заключение международных договоров является прерогативой короны, которые на практике заключаются министрами правительства от имени короны [77, с. 17];
- парламент принимает имплементационное законодательство;
- согласие на обязательность международного договора дает правительство после принятия имплементационного законодательства.

В качестве способов имплементации канадский законодатель использует отсылку, рецепцию или преобразование.

Так, принимаемое парламентом имплементационное законодательство может содержать ссылку на конкретный международный договор или сам текст международного договора.

Например, в разделе 1 УК Канады содержится отсылка в Конвенции о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала 1994 года [37].

Имплементационное законодательство Канады может и не содержать ссылку на международный договор и не включать его в качестве приложения к данному закону [77, с. 23]. Например, путем изменения или дополнения разделов и статей уголовного законодательства имплементированы в Канаде положения международных договоров, предусматривающих обязательства государства по предупреждению международных преступлений. Кроме того, путем изменения и дополнения УК Канады включены положения актов международного уголовного права посредством принятия, например, Закона о преступлениях против человечности и военных преступлений 2000 года. В данный Закон включены в качестве приложений тексты статей 63, 7, п. 2 ст. 8 Римского Статута Международного уголовного суда.

Также как и в Великобритании, в Канаде, нормы международного уголовного права могут быть имплементированы и путем судебного прецедента, что, по словам О.Н. Шибкова, имеет большее значение [123, с. 68].

Таким образом, можно выделить следующие особенности имплементационной модели Канады:

- уголовное законодательство Канады систематизированы и унифицировано в едином кодифицированном акте, одновременно с наличием специальных и имплементационных законов и судебных прецедентов, а также доктриной;
- в качестве приема законодательной техники используется способ преобразования и специальных отсылок к положениям норм международного уголовного права.

В США, в отличие от рассмотренных уголовно-правовых систем Великобритании и Канады, нормы международного права по юридической силе приравнены к внутригосударственным законам, что отражено в ч. 2 ст. VI Конституции США [47]. Из данного Конституционного положения Л.Ю. Рыхтикова делает вывод об автоматическом признании и интегрировании норм международного права национальную правовую систему США [92, с. 28]. Однако, по справедливому замечанию Е.Н. Субботина с таким утверждением трудно согласиться по следующим соображениям.

Во-первых, в США законодательно не урегулирован вопрос соотношения норм обычного международного права с нормами национального права.

Во-вторых, позиция законодателя и правоприменителя несколько противоречит утверждению об автоматическом признании и интегрировании норм международного права национальную правовую систему США.

Действительно, в организационном плане, международные договора в США полномочен заключать Президент с согласия Сената при условии одобрения 2/3 присутствующих сенаторов, что отражено в п. 2 разд. 2 ст. II Конституции США.

Сам процесс ратификации международных договоров состоит из двух стадий:

- международный договор утверждается Сенатом, как уже говорилось при условии одобрения 2/3 присутствующих сенаторов;
- международный договор ратифицирует Президент.

В США все международные договора делятся на самоисполнимые и несамоисполнимые (не действуют пока не принято необходимое имплементационное законодательство).

Однако действие самоисполнимых договоров также может быть исключено заявлением о их несамоисполнимости или о необходимости принятия национального законодательства для реализации данного

международного соглашения. Подобные заявления о несамоисполнимости были сделаны в отношении Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации [65] и ряда других.

Кроме того, в США сложилась практика, когда ратифицированные международные договора, отменяющие несовместимый с ним закон, признаются неприменимыми, если его положения противоречат последующему закону. Иными словами, законодатель наделен правом отменить международный договор посредством принятия последующего закона [99, с. 152].

Способами имплементации являются ссылка на международный договор и изменения в отраслевое законодательство.

Отличительной особенностью уголовно-правовой системы США является также наличие единого кодифицированного уголовного закона, которое в отличие от канадского не находится в ведении федерации. Результатом такого положения является действие 53 относительно самостоятельных уголовно-правовых моделей, т.е. в каждом штате действует право данного штата.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что несмотря на ряд общих признаков уголовно-правовых систем стран англо-американской правовых семей, имеются существенные отличительные особенности, связанные с наличием или отсутствием единого уголовного законодательного акта, отражением в законодательстве позиции государства по вопросу соотношения международного права с национальным правом страны. Все это предопределяет существование различных моделей имплементации норм международного уголовного права в уголовное законодательств стран англо-американской правовой семьи.

3.3 Модели имплементации норм международного уголовного права в уголовное законодательство стран романо-германской правовой семьи

К странам романо-германской правовой семьи относятся Франция, Германия, Швейцария, Испания, Австрия, Италия и Россия.

В виду ограниченности объема исследования, модели имплементации норм международного уголовного права будут рассмотрены на примере Франции и Германии.

Итак, как уже не раз отмечалось в настоящей работе, одним из общих оснований выбора модели имплементации является позиция государства по вопросу соотношения международного и внутригосударственного права.

Так, раздел VI Конституции Франции 1958 года [48] посвящен международным договорам и соглашениям. Приоритет международных договоров перед внутригосударственным законодательством Франции зависит от следующих требований:

- а) международный договор или соглашение должны быть ратифицированы, чему предшествуют необходимость соблюдения следующего механизма:
  - 1) получение правительством от парламента разрешения на ратификацию;
  - 2) разрешение на ратификацию международного договора получается посредством принятия закона на основе соответствующего его проекта, разработанного соответствующим министерством, обсужденного в совете министров и получившего предварительное заключение Конституционного совета;
- б) промульгация имплементационного закона Президентом;
- в) опубликование имплементационного закона;

- 1) международный договор или соглашение должны быть опубликованы;
- 2) должен быть соблюден принцип взаимности в соответствии с которым должно быть предусмотрено условие о взаимном соблюдении и применении международного договора или соглашения другой его стороной [77, с. 130].

Следует также обратить внимание на то, что во Франции некоторые международные договора не требуют обязательной их ратификации. Такие договора заключаются правительством от имени правительства и утверждаются министром иностранных дел [77 с. 126].

Во Франции действует единый кодифицированный акт в области уголовного законодательства – Уголовный кодекс Франции [110]. Несмотря на то, что в УК Франции отсутствует указание на преимущество международной нормы над национальным законодательством, этот принцип последовательно реализуется в его Особенной части [51, с. 15].

Международные правовые акты интегрируются в уголовное законодательство Франции посредством его изменения в связи с принятием новых законов, разработанных на основе законов о ратификации того или иного международного договора.

Так, в УК Франции книга II открывается разделом первым, объединяющим преступления против человечества. В данный раздел включены статьи, предусматривающие ответственность за геноцид (ст. 211.1), депортацию, обращение в рабство, массовое или систематическое осуществление казней без суда, похищений людей, пыток, (ст.ст. 212.1-212.3). То, что все эти преступления открывают Особенную часть УК Франции, свидетельствует о приоритете уголовно-правовой охраны общегуманитарных ценностей, обеспечение безопасности человечества.

Преступления против нации, государства и общественного спокойствия включены в книгу 4 УК Франции, включающие такие виды международных преступлений, как заговор (ст. 412-1), т.е. насильственные действия,

способные поставить в опасность институты Республики или причинить вред неприкосновенности национальной территории. Уголовная ответственность за акты терроризма предусмотрена статьями 421 и 422 УК Франции.

В целом, можно выделить следующие особенности французской модели имплементации норм международного уголовного права:

- процедура ратификации международных договоров и соглашений регулируется рядом законодательных актов, составляющих «конституционный блок» Франции;
- приоритет норм международных договоров, которые должным образом ратифицированы или одобрены перед национальным законодательством с момента их официального опубликования при условии соблюдения принципа взаимности;
- установленный перечень категорий международных договоров имплементация которых возможна только посредством принятия соответствующего имплементационного законодательства;
- не вступившие силу международные договора проходят предварительную проверку Конституционным советом Франции;
- суды общей юрисдикции при рассмотрении конкретного дела, осуществляют контроль за соответствием применяемых законов утвержденному или ратифицированному международному договору [99, с. 166].

Вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права Германии решен в Основном законе государства [78], в соответствии со ст. 25 которого общепризнанные нормы международного права являются составной частью Германии и имеют преимущества перед национальным законодательством, порождают права и обязанности для граждан.

Уголовно-правовая система Германии построена с учетом федеративного устройства государства и состоит из общего уголовного права, дополнительного и уголовного права земель. Международное

уголовное право является разновидностью дополнительного уголовного права [99, с. 168].

Вопросы борьбы с международными преступлениями находятся в исключительном ведении федерации.

Некоторые особенности имплементации международных договоров в Германии следует рассмотреть на примере такого международного преступления, приобретающего особенную опасность международному порядку, как финансирование терроризма.

Под финансированием терроризма понимают получение финансовых средств для планирования и проведения операций, а также оружия и взрывчатых веществ и т.д. Государства нередко, часто тайно, оказывают поддержку группам в другом государстве, которые используют силу для борьбы с их государственными институтами. С одной стороны, эти группы считаются террористами, а с другой – борцами за свободу [118, с. 109]. В последующем за основу берется определение террористических преступлений в соответствии с резолюцией 1566 (2004) Совета Безопасности ООН от 8 октября 2004 г., которая, согласно международному праву, имеет обязательную силу.

Международно-правовое обязательство по борьбе с финансированием терроризма существует с 1999 г. посредством Международной конвенции ООН от 9 декабря 1999 г. [64] Германия ратифицировала ее в 2004 году. В соответствии со статьей 2 (абз. 1) этой конвенции преступление совершает «лицо, которое любыми методами, прямо или косвенно, незаконно и умышленно предоставляет средства или осуществляет их сбор с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы, полностью или частично», для совершения террористических преступлений, указанных в конвенции. Кроме того, ст. 2 (абз. 2 п. b) Рамочного решения Совета Европейского союза 2002/475 от 13 июня 2002 г. «О борьбе с терроризмом» обязывает государства-члены Европейского союза устанавливать составы преступления против «участия в действиях

террористических организаций, включая предоставление информационных или материальных средств, или любой формы финансирования ее деятельности, зная, что такое участие способствует преступной деятельности террористической группы». В целях реализации настоящей конвенции и Рамочного решения с помощью закона «О преследовании за подготовку тяжких государственно опасных насильственных деяний» от 30 июля 2009 года в § 89а (абз. 2 п. 4) УУ старой редакции была внесена уголовная ответственность за сбор, получение и предоставление значительных имущественных ценностей (активов) для совершения «тяжких государственно опасных насильственных деяний», а также разрабатывались другие положения.

20 июня 2015 г. вступил в силу закон об изменении закона «О преследовании за подготовку тяжких государственно опасных насильственных деяний». Этот закон ввел в УУ переписанный состав преступления § 89с («Финансирование терроризма»). Поскольку для выполнения международных обязательств финансирование так называемого «террористического туризма» тоже должно было быть включено, закон дополнил § 89а УУ («Подготовка тяжких государственно опасных насильственных деяний») абзацем 2а, который предусматривает уголовную ответственность за выезд и даже за попытку покинуть ФРГ с целью совершения тяжких государственно опасных насильственных деяний или подготовки в так называемых «террористических лагерях».

Кроме того, закон об изменении закона «О преследовании за подготовку тяжких государственно опасных насильственных деяний» содержит некоторые последовательные изменения в других законах, например, в УПК, а также в законе «О кредитной системе», в законе «О борьбе с отмыванием денег» и в законе «О страховом надзоре». Толчком для включения § 89с в УУ послужила Резолюция Совета Безопасности ООН 2178 (2014) от 24 сентября 2014 г., которая в пункте 6 (b) предусматривает преследование финансирования поездок в террористических целях, а также

рекомендации группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF). Хотя данные рекомендации не влекут правовых последствий для нынешних 36 государств-членов, однако соответствующие министры политически обязались реализовать их. Помимо этого, Рамочное решение 2002/475/JI не полностью реализуется в § 89с (1) УУ, поскольку ст. 3 (п. «а» и «с»)) также требует классифицировать тяжкую кражу и выпуск поддельных административных документов, относящихся к «террористической деятельности», как «террористические преступления» [118].

§ 89с УУ дополняется § 129а (абз. 5) УУ, который предусматривает наказание за поддержку террористических объединений, в том числе иностранных (§ 129b УУ): такую поддержку может представить из себя финансирование этих объединений. К тому же финансирование терроризма действует вопреки § 18 (абз. 1) закона «О внешнеэкономической деятельности», который предусматривает уголовную ответственность за нарушение запрета на предоставление списков террористов ООН и ЕС. В состав включено «предоставление», т.е. прямое или косвенное предоставление имущественных ценностей (активов), чтобы указанное лицо могло непосредственно получить право распоряжаться ими, а также предоставление финансовых услуг такому лицу. Таким образом, § 89с УУ создал не совершенно новую уголовно-правовую ситуацию, а скорее «независимый состав преступления по финансированию терроризма», который «значительно выходит за рамки узкой сферы применения» § 89а (абз. 2 № 4) УУ старой редакции, «предусматривая наказание за финансирование террористических преступлений в целом».

На данном этапе основные возражения против расширения уголовного права на борьбу с терроризмом на предшествующий приговорительной стадии момент, которые действовали бы также в отношении нового состава преступления финансирования терроризма, не могут и не должны подниматься.

Национальное уголовное законодательство, безусловно, может внести лишь сравнительно небольшой вклад в борьбу с таким международным явлением, как терроризм. Для предотвращения «террористического туризма» в первую очередь требуются другие средства, однако использование уголовного законодательства для этой цели не является непригодным. Кроме того, нельзя отрицать, что немецкий законодатель ввиду обязательств по международному и европейскому праву не принимает решения о реализации в общем, а только решает вопрос «каким образом». Поднятая в отношении закона «О преследовании за подготовку тяжких государственно опасных насильственных деяний» претензия, что немецкий законодатель вышел далеко за рамки положений §§ 89a, 89b, 91 УУ, никак не относится к закону, внесшему изменения в данный закон. В п. 6 резолюции 2178 (2014) Совета Безопасности ООН содержится всеобъемлющее требование к введению таких составов преступлений, как «преднамеренное предоставление или сбор финансовых средств любыми методами, прямо или косвенно их гражданами или на их территории с умыслом или знанием того, что эти деньги будут использованы для финансирования поездок лиц, путешествующих в государство, не являющееся страной их проживания или гражданства, с целью совершения, планирования, подготовки или участия в террористической деятельности или подготовки террористов или обучения, чтобы стать террористами».

В организационном аспекте вопросы имплементации норм международного уголовного права в национальное законодательство Германии имеют следующие особенности.

Во-первых, заключать международные договора полномочны только президент (подписывает подготовленные правительством решения в виде ратификационных грамот и документов о присоединении к международным договорам или соглашениям) [77, с. 65-66], федеральное правительство и федеральные министры.

Во-вторых, до ратификации международного договора необходимо его одобрение парламентом.

В-третьих, федеральное законодательство, посредством которого имплементируются нормы международного уголовного права подлежат обязательному опубликованию в едином издании вместе с текстом соответствующего международного договора.

В-четвертых, уголовное законодательство Германии в части синхронизации международных договоров в области международного уголовного права упорядочено в Кодексе преступлений против международного права, принятого в 2002 году [95, с. 64]. Принятие данного Кодекса, который содержит и отсылочные нормы, предельно их конкретизировав, было продиктовано стремлением Германии гарантировать преследование лиц, совершивших международные преступления в соответствии с немецким законодательством и в пределах национальной юрисдикции.

Таким образом, в Германии произошла модификационная имплементация, при которой были изменены как положения Основного закона Германии, так и УК ФРГ. Иными словами, имплементация норм международного уголовного права осуществляется способом преобразования и внесения изменений в действующее уголовное законодательство страны, путем включения отсылок к международным договорам и соглашениям.

3.4 Специфика имплементации норм международного уголовного права в уголовное законодательство России

Прежде следует рассмотреть общие условия, необходимые для выбора модели имплементации.

Так, в национальную правовую систему Российской Федерации входят лишь общепризнанные принципы и нормы международного права. Ответ на вопрос «Приоритетны ли общепризнанные нормы и принципы

международного права перед законами страны» Конституционный Суд дал в Определении от 8 февраля 2001 г. № 78-О [75]. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ [46] нормы и принципы международного права, которые входят в систему национального права, приоритетны над законами, противоречащими данным принципам и нормам, а также должны быть использованы при деятельности судов общей юрисдикции.

Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П [83] подтвердило примат Конституции РФ над международным правом. Статья 32 Конституции РФ о лишении политических прав заключенных по вступившим в законную силу решениям суда Конституционного Суда РФ была поставлена выше судебной практики ЕСПЧ. Таким образом, Конституционный Суд РФ отменил обязательность решений ЕСПЧ в случае их противоречия Конституции РФ. Аналогичные нормы о примате национальной Конституции над международным правом были установлены в Законе РФ о поправках к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, вступившем в силу 1 июля 2020 г. [30]

Ввиду того, что отношения между государствами можно назвать саморегулируемыми, вследствие чего нормы международного права создаются самими государствами - субъектами международного права (в отличие от национального права и реализуются посредством соответствующих соглашений). После того как данные договоры и соглашения вступают в юридическую силу, они влекут за собой возникновение юридических обязанностей. Взаимные уступки и компромиссы от обеих сторон - государств позволяют добиться взаимного согласия и обеспечения соглашения по какому-либо вопросу [32, с. 25].

Уголовная правовая система Российской Федерации состоит из УК РФ. При этом, как сказано в ч. 1 ст. 1 УК РФ, новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс.

Определенные недостатки в действующем механизме имплементации нормы международного уголовного права связаны с организационной

составляющей. В целом, можно выделить следующие проблемы и предложить пути их решения.

Во-первых, в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ законодатель признав международные договоры составной частью правовой системы Российской Федерации, не указал на то, что данные договоры должны быть ратифицированы. И только после ратификации международный договор признается часть правовой системы страны. В связи с чем, в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ данный момент необходимо четко определить.

Во-вторых, действующее законодательство не предусматривает обязательного опубликования вместе с имплементационным законодательством текстов соответствующих международных договоров. Поэтому одновременное опубликование федерального закона о ратификации международного договора и самого международного договора решило бы проблему одновременного вступления его в силу без дополнительного оформления ратификационных грамот (ст. 18 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» [115]).

В-третьих, в действующем законодательстве отсутствует регламентация распределения обязанностей государственных органов, участвующих в процессе имплементации норм международного уголовного права, что в некоторых случаях приводит к рассогласованности действий таких органов.

Решить обозначенные проблемы можно посредством принятия Федерального закона «О порядке реализации международно-правовых актов в правовой системе Российской Федерации».

Несмотря на все обозначенные проблемные моменты в части имплементации международного уголовного права в национальное право Российской Федерации, действующее уголовное законодательство содержит много норм, имплементированных из международных документов в части реализации норм международного уголовного права, направленных на борьбу и противодействие международным преступлениям.

Однако в отличие, к примеру, от германского законодательства преступления против мира и безопасности человечества, объединены разделом XII, который завершает Особенную часть УК РФ. Такое положение, по мнению многих исследователей, ставит под сомнение приоритет защиты нормами национального законодательства мира и безопасности человечества, когда на первое место ставится защита отдельной личности (см. раздел VII УК РФ).

В Российской Федерации предусмотрены следующие преступления против мира:

- агрессия – это ст. 353 УК РФ, предусматривающая ответственность за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны и за публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ);
- реабилитация нацизма (ст. 354.1 УК РФ);
- незаконный оборот оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ);
- нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ)

К преступлениям геноцида относится самостоятельный состав геноцида (ст. 357 УК РФ), а также экоцид (ст. 358 УК РФ). При этом, по мнению некоторых ученых в действующий уголовный закон необходимо ввести самостоятельный состав, предусматривающий ответственность за отрицание, одобрение или оправдание геноцида [67, с. 34].

Особое внимание хотелось бы уделить вопросу преступлений против человечности.

В действующем уголовном законодательстве России некоторые преступления, которые относятся к преступлениям против человечности наказываются по нормам «обычного» уголовного права, как преступления против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ), против свободы, чести и достоинства (гл. 17 УК РФ), против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст. 18 УК РФ). Действительно, возникает вопрос:

существует ли тогда необходимость введения в главу 34 УК РФ самостоятельной уголовно-правовой нормы о преступлениях против человечности? При ответе на данный вопрос следует согласиться с Д.В. Лобач в том, что «приравнивание преступлений против человечности к общеуголовным преступлениям выхолащивает саму сущность международного преступления... Здесь важно понимать, что характер общественной опасности международного преступления определяется не столько самими бесчеловечными актами, сколько контекстуальным условием, при котором и совершается данный акт» [60, с. 119].

Однако, некоторые составы общеуголовных преступлений являются пробельными. В частности, в УК РФ отсутствует статья, предусматривающая ответственность за апартеид, что не соответствует нормам международного уголовного права. В связи с чем, целесообразно имплементировать нормативные положения, касающиеся апартеида в отечественное уголовное законодательство. Кроме того в криминализации нуждаются такие противоправные деяния, как сексуальное рабство, принудительная стерилизация, принудительная беременность и другие формы сексуального насилия. Однако норму о преступлениях против человечности рецепировать в национальное законодательство в чистом виде сложно, т.к. может привести к рассогласованности уголовно-правовых норм в их системном взаимодействии. Поэтому было бы правильным в диспозиции проектной нормы о преступлениях против человечности отразить дефиниции бесчеловечных деяний сообразно с уже имеющимися в УК РФ преступлениями и их легальными понятиями (ст.ст. 105, 127.1, 127.2, 111, 112, 117, 131, 132 УК РФ).

Например, согласно ст. 5 Палермского протокола государства-участники ООН обязаны криминализовать торговлю людьми, введя в свое национальное законодательство соответствующую статью. Российская Федерация сделала это посредством введения в УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ отдельной статьи, а именно ст. 127.1

УК РФ. При этом состав торговли людьми в ней изложен с явным учетом формулировок Палермского договора, ранее ратифицированного Российской Федерацией без каких-либо оговорок, но не один в один с ними.

В силу того, что норма международного договора является внешним выражением согласованной воли государств, возможно отступление от абсолютно точного воспроизведения его формулировок в тексте национального законодательного акта [107, с. 188].

Признаки состава преступления, которые государства договорились отразить в своем национальном законодательстве, могут детализироваться и дополняться при имплементации в него международно-правовых норм.

Закрепив в своем законодательстве в соответствии с Палермским договором то, что торговля людьми не является преступным деянием, если совершается без цели их эксплуатации, российский законодатель на несколько лет фактически его декриминализировал. Так, известны случаи, когда продажа матерью своего ребенка не квалифицировалась как торговля людьми, поскольку совершалась без цели его эксплуатации [12, с. 110]. Так, купля-продажи новорожденного ребенка до конца 2008 г. не образовывала состава торговли людьми.

В 2019 г. получили широкую огласку материалы уголовного дела, возбужденного против гражданки Л., которая обвинялась в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 327 («Подделка документов») и ч. 1 ст. 330 («Самоуправство») УК РФ. Гражданка Л. покупала новорожденных детей, от которых отказались родители, и продавала их супружеским парам из Германии, которые не могли по медицинским показаниям иметь своих детей. Обвиняемой в конечном итоге также было вменено совершение преступления, предусмотренного ст. 126 («Похищение человека») УК РФ. Обвинение по ст. 152 («Торговля несовершеннолетними») УК РФ гражданке Л. предъявлено так и не было, поскольку покупала и продавала она детей без цели их эксплуатации [29].

Ситуация была приведена в нормальное состояние внесением в диспозицию ч. 1 ст. 127.1 УК РФ положения, согласно которому любая сделка имущественного характера, предметом которой стал человек вне зависимости от цели ее осуществления, является преступной.

Данную точку зрения Верховный Суд РФ считает единственно верной, что однозначно вытекает из содержания п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» [84].

Торговля детьми состоит не только в совершении любой сделки, предметом которой выступает несовершеннолетний, но и в склонении его к тому, чтобы он согласился на свою эксплуатацию, а также его перевозка, передача, укрывательство или получение, осуществляемые с этой целью. Соответствие данного определения и диспозиции ст. 127.1 УК РФ является полным и очевидным.

В Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [116] введены также такие понятия, как «эксплуатация детей» и «жертва торговли детьми и (или) эксплуатации детей».

В ст. 1 этого Закона жертва торговли детьми и (или) их эксплуатации определяется как лицо, несовершеннолетнего возраста, которому причинен вред совершением в отношении него действий, составляющих торговлю и эксплуатацию детей, несмотря на то, что давал или не давал он свое согласие на осуществление с ним таких действий.

Повторное введение возрастных факторов слабости в защите своих личных прав в ст. 127.1 УК РФ и ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка...» обусловлено принятием Российской Федерацией на себя обязательства имплементировать в свое внутринациональное законодательство международные стандарты в области защиты прав детей. Например, Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. [42], требующей от

государств-участников осуществлять все без исключения меры, которые они могут себе позволить для действительного предотвращения случаев торговли, похищения и контрабанды детей.

Согласно определению торговли людьми, приводимому в Палермском протоколе, вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение ребенка для целей эксплуатации считаются торговлей людьми, хотя принуждение при этом и не применялось. Данная установка существенно повышает уровень защищенности людей от практики торговли ими, хотя и в несколько усеченном виде, почти дословно приводится в ч. 1 ст. 127.1 УК РФ.

В законодательстве Российской Федерации положения, в соответствии с которым согласие жертвы торговли людьми на ее вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение исключает преступность деяния, нет. Вместе с тем, Верховный Суд РФ в п. 12 указанного Постановления разъясняет, что данное обстоятельство надо оценивать именно так.

Придание торговле людьми во внутригосударственном законодательстве статуса уголовно-наказуемого деяния, конечно же, имеет важное значение в вопросе нейтрализации данного общественно опасного асоциально явления. Вместе с тем, решить данную проблему только путем криминализации торговли людьми невозможно. В этой связи противодействие торговле людьми должно вестись в комплексе по следующим направлениям: предупреждение совершения торговли людьми, привлечение лиц, виновных в совершении торговли людьми, и защита жертв торговли людьми [93]. Такая направленность осуществления противодействия торговле людьми характерна для посвященных ему как глобальных, так и региональных международно-правовых актов. Например, в Соглашении о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека [86], Модельном законе «Об оказании помощи жертвам торговли людьми» [68].

Проведенный в третьей главе анализ позволяет сделать следующие выводы:

- выбор модели имплементации норм международного уголовного права в национальное законодательство имеет ряд общих для всех уголовно-правовых систем оснований. К таким основаниям относится позиция государства по вопросу соотношения международного и внутригосударственного права и национальные традиции, отражающиеся на уголовно-правовой системе конкретного государства.
- одной из усложненных моделей имплементации норм международного уголовного права является модель национально-правовой имплементации США, отличающаяся многоступенчатой системой фильтров, которые гарантируют эффективную реализацию международных обязательств, но при этом служат гарантией соблюдения национальных интересов страны.
- действующая в Германии модель имплементации норм международного уголовного права основана на конституционной формуле взаимодействия международного и внутригосударственного права, предусматривающая возможность прямого действия в рамках национальной правовой системы только общих норм международного права, т.е. международные обычаи и общие принципы права.
- несмотря на все обозначенные проблемные моменты в части имплементации международного уголовного права в национальное право Российской Федерации, действующее уголовное законодательство содержит много норм, имплементированных из международных документов в части реализации норм международного уголовного права, направленных на борьбу и противодействие международным преступлениям.

Заключение

В заключительной части исследования необходимо подвести итоги и сделать выводы и предложения.

При рассмотрении понятия международных преступлений под таковым было предложено понимать общественно опасного деяния, имеющего особо опасный характер и закрепленное в нормах международного права.

Проведенный анализ видов международных преступлений позволил сделать вывод о том, что международное преступление - это комплексное понятие, включающее в себя как деяния, чья объективная сторона выходит за пределы одного государства, так и те действия, которые совершаются против граждан самого государства. Однако, основополагающим является в данном случае признание того или иного действия на уровне международного документа обязательным для криминализации национальным законом.

Преступления против мира – это виновные противоправные деяния в форме агрессии, актов международного терроризма и незаконного оборота оружия массового поражения, предусмотренные международным договором и направленные против международного мира.

Были выделены следующие элементы состава геноцида:

- основной объект – безопасность человечества;
- дополнительный объект – жизнь и здоровье личности, культура;
- потерпевшие – национальные, этнические, расовые и религиозные группы;
- объективная сторона – действия, перечисленные в ст. II Конвенции 1948 года;
- субъективная сторона – умышленная форма вины и наличие цели – стремление к полному или частичному уничтожению национальной, этнической, расовой или религиозной группы;
- субъект преступления общий, т.е. физическое лицо, а также государство.

Проведенный анализ преступлений против человечности, позволил сделать вывод о необходимости восполнения такого важного пробела как отсутствие единого систематизированного международного акта, посредством принятия Конвенции о преступлениях против человечности в которой отразить следующие вопросы:

- установить позитивные юридические обязательства государств-участников по отношению к преступлениям против человечности (осуществление уголовного преследование, предупреждение и сотрудничество в сфере борьбе с преступлениями против человечности);
- закрепить понятие преступлений против человечности;
- зафиксировать возможность распространения на преступления против человечности универсальной юрисдикции.

Для современной российской и зарубежной доктрины характерно принципиально схожее понимание термина «военное преступление» в международном уголовном праве. Произошел отказ от ранее предложенного понимания военного преступления как нарушения «законов и обычаев войны».

В настоящее время понимание военного преступления связано с серьезным нарушением норм международного гуманитарного права, связанного с идущим вооруженным конфликтом, за которое установлена уголовная ответственность.

Одной из наиболее значимых тенденция стало требование признания сущности и признаков военных преступлений, выработанных обычным международным правом, в национальной уголовной юрисдикции.

Под уголовно-правовой системой понимают единство уголовно-правовой доктрины, уголовно-правовых норм и правоприменительной практики. При этом, в уголовно-правовой доктрине отражается правовая культура и политика страны. Уголовно-правовые нормы являются составляющими действующего уголовного законодательства государства.

Принципы, цели и задачи уголовного законодательства реализуются в процессе правоприменительной практики. Совокупность уголовно-правовых систем, объединенных общими признаками образуют уголовно-правовую семью.

Выбор модели имплементации норм международного уголовного права в национальное законодательство имеет ряд общих для всех уголовно-правовых систем оснований:

- позиция государства по вопросу соотношения международного и внутригосударственного права;
- уголовно-правовая система конкретного государства, составными элементами которой являются: уголовное законодательство, уголовная политика государства, уголовная доктрина и правоприменительная практика.

Были выделены особенности моделей имплементации норм международного уголовного права в уголовное законодательство стран англо-американской правовой семьи.

Особенности британской модели:

- существование наравне со статутным правом обычного права и судебного прецедента, которому придается особое значение;
- отсутствие единого кодифицированного уголовного законодательства, которое регулируется отдельными законодательными актами.

Особенности имплементационной модели Канады:

- уголовное законодательство Канады систематизированы и унифицировано в едином кодифицированном акте, одновременно с наличием специальных и имплементационных законов и судебных прецедентов, а также доктриной;
- в качестве приема законодательной техники используется способ преобразования и специальных отсылок к положениям норм международного уголовного права.

Одной из усложненных моделей имплементации норм международного уголовного права является модель национально-правовой имплементации США, отличающаяся многоступенчатой системой фильтров, которые гарантируют эффективную реализацию международных обязательств, но при этом служат гарантией соблюдения национальных интересов страны.

Определенные недостатки в действующем механизме имплементации норм международного уголовного права связаны с организационной составляющей. В связи с чем, было предложено следующее:

- в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ указать на то, что составной частью правовой системы Российской Федерации могут быть только ратифицированные международные договора;
- законодательно урегулировать обязательность опубликования вместе с имплементационным законодательством текстов соответствующих международных договоров, что решит проблему одновременного вступления его в силу без дополнительного оформления ратификационных грамот;
- в действующем законодательстве необходимо регламентировать распределение обязанностей государственных органов, участвующих в процессе имплементации норм международного уголовного права.

В настоящее время имплементация норм международного права в России не является совершенной, что позволяет некоторым ученым ставить под сомнение вообще существование самостоятельной модели имплементации норм международного уголовного права [99, с. 227].

Так, внесение поправок в ст. 79 Конституции РФ является продолжением последовательной реализации в российском правовом порядке приоритета национальной Конституции над решениями межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ. Закрепление этого приоритета сопровождается созданием контрольного

механизма преодоления правовых конфликтов, в которых под сомнение может быть поставлено верховенство российского Основного Закона [117, с. 56].

В ч. 4 ст. 15 Конституции РФ определена общая инкорпорация определенных норм международного права и законодательства Российской Федерации. Согласно данной статье нормы международного права, включенные в национальную правовую систему Российской Федерации, применяются наряду с национальными законами государства. Те нормы международного права, которые не были включены в национальную правовую систему, также имеют приоритет над государственными законами.

Таким образом, уголовное законодательство Российской Федерации о торговле людьми в целом отвечает международным стандартам противодействия ей.

Вместе с тем, Российская Федерация не имплементировала в свое внутринациональное законодательство предписания Палермского протокола относительно предоставления разного рода безвозмездной помощи жертвам торговли людьми, защиты их от уголовного преследования и выдворения за пределы России [97].

Кроме того, решить обозначенные проблемы можно посредством принятия Федерального закона «О порядке реализации международно-правовых актов в правовой системе Российской Федерации». В данном федеральном законе необходимо урегулировать порядок и способы имплементации норм международных правовых актов во внутригосударственное право.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Адельханян Р.А. Военные преступления как преступления против мира и безопасности человечества: Дисс. ... д-ра юрид. наук. М. : Институт государства и права РАН, 2003. 438 с.
2. Арямов А.А. Преступления против мира и безопасности человечества: хрестоматийный курс лекций. М. : Юрлитинформ. 2012. 420 с.
3. Барихин А. Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М., 2006. 790 с.
4. Белый И. Ю. Производство по делам о военных преступлениях в органах международного уголовного правосудия. М.: Права военнослужащих, 2011. 288 с
5. Бельский А.И., Якимова В.И. Кибертерроризм как один из наиболее опасных видов международного терроризма // Российский следователь. 2020. № 5. С. 66-70.
6. Берко А. В. Уголовная ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны: дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2002. 180 с.
7. Большая юридическая энциклопедия. М., 2005. 1030 с.
8. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева. М., 2006. 790 с.
9. Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23.05.1969) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
10. Верле Г. Принципы международного уголовного права. М. : ТрансЛит, 2011. 910 с.
11. Ветров Н.И. Уголовное право: Особенная часть. Учебник для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2000. 720 с.
12. Голованова Н.А. Международные стандарты и уголовное законодательство России об искоренении насилия в отношении детей // Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской

Федерации: Науч.- практ. пособие / Отв. ред. В.П. Кашепов. М., 2012. С. 110-114.

13. Грубова Е.И. Понятие и признаки международного преступления в доктринальных источниках: тенденции и противоречия // Международное публичное и частное право. 2012. № 2. С. 28-31.

14. Грузинская Е.И. Уголовное право: преступления против мира и безопасности человечества в системе уголовного законодательства стран Евразийского экономического союза. Учебное пособие. / Новороссийск. Ставрополь. 2016. 89 с.

15. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. В.А. Туманова. М. : Международные отношения, 1999. 400 с.

16. Дагель П. С. Избранные труды / Научн. ред. и предисл. А.И. Коробеева. Владивосток, 2009. 412 с.

17. Директива № 2015/849 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О предотвращении использования финансовой системы для целей отмывания денег или финансирования терроризма, об изменении Регламента (ЕС) 648/2012 Европейского Парламента и Совета ЕС и об отмене Директивы 2005/60/ЕС Европейского Парламента и Совета ЕС и Директивы 2006/70/ЕС Европейской Комиссии» [рус., англ.] (Принята в г. Страсбурге 20.05.2015) (с изм. и доп. от 30.05.2018) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

18. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ/СТВТ) (Вместе с «Протоколом к Договору о всеобъемлющем...») (Подписан в г. Нью-Йорке 24.09.1996) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. (договор не вступил в силу).

19. Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (Подписан в г. г. Москве, Лондоне, Вашингтоне 11.02.1971) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

20. Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Пакт Бриана - Келлога) [рус., англ.] (Подписан в г. Париже 27.08.1928) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

21. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) [рус., англ.] (Вместе с «Правилами, касающимися опознавания», «Удостоверением журналиста, находящимся в опасной командировке») (Подписан в г. Женеве 08.06.1977) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

22. Елисеев Р.А. Зарождение и развитие науки международного уголовного права // Международное публичное и частное право. 2009. № 6. С. 44-47.

23. Елисеев Р.А. Международное уголовное право: особенности право реализации: автореф. дисс.... канд. юрид. наук. М. 2011. 30 с.

24. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны [рус., англ.] (Вместе с «Проектом Соглашения о санитарных и безопасных зонах и местностях», «Проектом Правил, касающихся коллективной помощи гражданским интернированным») (Заклучена в г. Женеве 12.08.1949) (с изм. от 08.12.2005) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

25. Женевская конвенция об обращении с военнопленными [рус., англ.] (Заклучена в г. Женеве 12.08.1949) (с изм. от 08.12.2005) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

26. Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях [рус., англ.] (Вместе с «Проектом Соглашения о санитарных зонах и местностях») (Заклучена в г. Женеве 12.08.1949) (с изм. от 08.12.2005) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

27. Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море

[рус., англ.] (Заключена в г. Женеве 12.08.1949) (с изм. от 08.12.2005)
[Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

28. Жинкин А.А., Жинкина Е.С. Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения как преступление против мира и безопасности человечества // Российский следователь. 2012. № 23. С. 41-43.

29. Жительницу Новосибирска осудили за подделку документов для вывоза детей из страны [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://tauga.info/149729>. (дата обращения: 10.03.2021).

30. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

31. Зелинская Н.А. Политические преступления в системе международной преступности. Одесса, 2003. 412 с.

32. Иксанов И.С. Воздействие решений международных судов на процесс реализации конституционных норм в Российской Федерации // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 23-26.

33. Карпец И. И. Преступления международного характера. М., 1979. 260 с.

34. Кибальник А. Г. Понимание военных преступлений в решениях современных международных трибуналов // Российский ежегодник уголовного права. 2013. № 7. С. 439-453.

35. Князькина А. К. Конвенциональные преступления в системе уголовного закона // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая-1 июня 2007 г. М., 2007. С. 191-196.

36. Князькина А. К. Конвенционные преступления как вид конвенциональных преступлений: Автореф. канд. юрид. наук. М., 2009. 30 с.

37. Конвенция о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала (Заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1994) (с изм. от 08.12.2005) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

38. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении [рус., англ.] (Заключена 16.12.1971) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

39. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (Заключена в г. Париже 13.01.1993) (с изм. от 07.06.2020) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

40. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта [рус., англ.] (Вместе с «Исполнительным регламентом...», «Резолюциями») (Заключена в г. Гааге 14.05.1954) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

41. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества [рус., англ.] (Заключена в г. Нью-Йорке 26.11.1968) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

42. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

43. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [рус., англ.] (Заключена 09.12.1948) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

44. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) [рус., англ.] (Заключена в г. Будапеште 23.11.2001) (с изм. от 28.01.2003) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

45. Конвенция об определении агрессии (Вместе с «Протоколом подписания») (Заключена в г. Лондоне 03.07.1933) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

46. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

47. Конституция США 1787 год [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения: 25.04.2021).

48. Конституция Французской Республики от 04.10.1958 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/konstitutsii-mira/konstitutsiya-frantsii-1958-goda-chitat-skachat-konstitutsiyu-frantsii.html> (дата обращения: 25.04.2021).

49. Королев А.Н. Экоцид в системе международных правонарушений // Международное публичное и частное право. 2007. № 2 (35). С. 46-48.

50. Костенко Н.И. Международное уголовное право на современном этапе: тенденции и проблемы развития. М. : Юрлитинформ, 2014. 424 с.

51. Крылова Н.Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции. М., 1996. 277 с.

52. Крюков А.Ш. Преступления, подпадающие под юрисдикцию Международного уголовного суда // Материалы конференции «Римский статут Международного уголовного суда: имплементация на национальном уровне». Москва, 4 - 5 февраля 2004 г. // Международное право. Специальный выпуск. М., 2005. С. 32-36.

53. Кубанцев С.П. Подходы к имплементации международно-правовых норм о преступлениях против мира и безопасности человечества в уголовном законодательстве некоторых стран - участников СНГ // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 108-112.

54. Кубов Р.Х. Транснациональные преступления и национальная безопасность // Российский следователь. 2007. № 14. С. 29-34.

55. Кузнецова Н.Ф. О международном уголовном праве // Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2008. С. 322-326.

56. Курдюков Г.И. Эффективность деятельности государств по реализации норм международного права / Вопросы универсальности и эффективности международного права / Отв. ред. Г.В. Игнатенко. Свердловск, 1981. С. 60-64.

57. Курносова Т.И. Имплементация международно-правовых норм о военных преступлениях и преступлениях против человечности в российское уголовное законодательство: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 29 с.

58. Литвишко П.А. Юрисдикционные и международно-правовые аспекты обеспечительных и конфискационных мер в отношении виртуальных активов // Законность. 2021. № 3. С. 8-14.

59. Лобанов С.А. Международная уголовная ответственность за военные преступления: дисс. ... д-ра юрид. наук. М. : Московский государственный институт международных отношений, 2018. 487 с.

60. Лобач Д.В. К вопросу о перспективе криминализации бесчеловечных деяний, составляющих концепт «преступления против человечности», в российском уголовном законодательстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 115-124.

61. Лобач Д.В. Преступления против мира: уголовно-правовое исследование: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 30 с.

62. Лунев В.В. Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, его место в истории конгрессов // Государство и право. 2000. № 9. С. 95-100.

63. Мансуров Т.Т. Понятие и общие признаки преступлений международного характера // Юрист-международник. 2004. № 1. С. 13-16.

64. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

65. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Заключена 21.12.1965) (с изм. от 15.01.1992) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

66. Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него (Заключена в г. Нью-Йорке 30.11.1973) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

67. Мламян Н.М. Геноцид как преступление против человечества // Российский следователь. 2016. № 17. С. 31-35.

68. Модельный закон об оказании помощи жертвам торговли людьми (принят в г. Санкт-Петербурге 3 апреля 2008 г. постановлением № 30-12 на 30-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2008. № 42. С. 354-388.

69. Наумов А.В., Кибальник А.Г., Орлов В.Н., Волосюк П.В. Международное уголовное право. 4-е изд. / Под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. М. : Юрайт, 2019. 509 с.

70. Некрасов В.Н. Вопросы имплементации норм международного уголовного права в УК РФ // Вопросы российского и международного права. 2012. № 2. С. 109-118.

71. Нигматуллин Р. В. Преступления международного характера как одна из современных угроз правам человека // Международное публичное и частное право. 2009. № 2(47). С. 27-36.

72. Номоконов В.А. Международное уголовное право: Учеб. пособие. Владивосток, 2001. 860 с.

73. Нурбеков И. М. Некоторые организационно-тактические аспекты расследования транснациональных преступлений // Российский следователь. 2008. № 15. С. 12-16.

74. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. М.: ООО «Издательство Оникс: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. 640 с.

75. Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2001 г. № 78-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петрова Александра Петровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 371 и 380 УПК РСФСР, а также статьи 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» // ВКС РФ. 2001. № 4.

76. Осаке К. Размышление над природой сравнительного правоведения: некоторые теоретические вопросы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2006. № 6. С. 60-64.

77. Осминин Б.И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. Монография. М.: Волтерс Клувер, 2006. 260 с.

78. Основной закон Федеративной Республики Германии от 23.05.1949 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/germany.htm> (дата обращения: 15.04.2021).

79. Попаденко Е. В. Международное уголовное право: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2012. 470 с.

80. Постановление ЕСПЧ от 15.10.2015 г. «Дело «Перинчек (Perincek) против Швейцарии» (жалоба № 27510/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 4.

81. Постановление ЕСПЧ от 16.06.2015 г. «Дело «Саргсян (Sargsyan) против Азербайджана» (жалоба № 40167/06) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 9(21).

82. Постановление ЕСПЧ от 20.10.2015 г. «Дело «Василияускас (Vasiliauskas) против Литвы» (жалоба № 35343/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 10.

83. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // ВКС РФ. 2016. № 5.

84. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // БВС РФ. 2020. № 3.

85. Прохорова М.Л., Гигинейшвили М.Т. Конвенционное определение преступлений геноцида и апартеида: сравнительным анализ // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 2. С. 3-6.

86. Распоряжение Правительства РФ от 24 ноября 2005 г. № 2019-р «О подписании Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека» // СЗ РФ. 2005. № 49. Ст. 5234.

87. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» (Принята 14.12.1974 на 29-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

88. Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983. 270 с.

89. Римский статут Международного уголовного суда [рус., англ.] (Принят в г. Риме 17.07.1998 г. Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

90. Российское уголовное право. В 2 т. Т. 2 Особенная часть: учебник / Под ред. Э. Ф. Побегайло. М., 2008. 844 с.

91. Русанов Г.А. Преступление геноцида как международное преступление: анализ *corpus delicti* // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 141-148.

92. Рыхтикова Л.Ю. Основы национально-правовой имплементации норм международного права в Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 199 с.

93. Сакаева О.И. Торговля людьми как самостоятельное проявление международной преступной деятельности // Журнал российского права. 2013. № 3. С. 110-117.

94. Сафиуллина И.П. Нюрнбергские принципы и их влияние на формирование международных уголовных судов в современных условиях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 30 с.

95. Серебренникова А.В. Закон о введении в действие Уголовного кодекса о международных преступлениях от 26 июня 2002г. в Германии: общая характеристика // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2004. № 1. С. 64-68.

96. Скуратова А.Ю. Международные преступления: современные проблемы квалификации: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 160 с.

97. Староверов А.В. Понятие имплементации и введение в законодательство российской федерации международно-правовых норм, регулирующих противодействие торговле людьми с целью сексуальной эксплуатации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1. С. 117-122.

98. Степанов П. П. Современные военные преступления: их причины и меры противодействия: дисс. ... канд. юрид. наук. М. : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2017. 276 с.

99. Субботин Е.Н. Имплементация норм международного права в уголовное законодательство зарубежных стран и России: Дисс. канд. юрид. наук. М., 2013. 248 с.

100. Тиунов О.И. Интерпретация норм европейского гуманитарного права в российской правовой системе / Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: Сб. статей / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2003. С. 165-172.

101. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова (1935-1940). [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 15.04.2021).

102. Толстых В.Л. Курс международного права: учебник. М. : ВолтерсКлувер, 2009. 866 с.

103. Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. М. : Юрлитинформ», 2007. 460 с.

104. Трикоз Е.Н. Преступления против человеческой цивилизации как особая подгруппа международных преступлений // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы 4-й Международной научно-практической конференции (25-26 января 2007 года). М., 2007. С. 630-631.

105. Трикоз Е.Н. Становление уголовно-правовой системы Канады // Журнал российского права. 2004. № 8. С. 138-146.

106. Троицкий Н.С. Современное доктринальное понимание термина «военные преступления» // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 1. С. 132-137.

107. Тункин Г.И. Теория международного права. 2-е изд. / Под общ. ред. Л.Н. Шестакова. М., 2019. 320 с.

108. Уголовный кодекс Канады 1985 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.canlii.org/en/ca/laws/stat/rsc-1985-c-c-46/latest/rsc-1985-c-c-46.html#sec83.01> (дата обращения: 25.04.2021).

109. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
110. Уголовный кодекс Франции 1992 г. С-Петербург: Юридический Центр Пресс, 2002. 648 с.
111. Упоров А.Г. Международное уголовное право. Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2018. 260 с.
112. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси [рус., англ.] (Принят в г. Лондоне 08.08.1945) // Действующее международное право. Т. 3. М. : Московский независимый институт международного права, 1997. С. 763 - 770.
113. Устав Международного трибунала по Руанде [рус., англ.] (Принят 08.11.1994 Резолюцией 955 (1994) на 3453-ем заседании Совета Безопасности ООН) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
114. Устав Международного трибунала по Югославии [рус., англ.] (Принят 25.05.1993 Резолюцией 827 (1993) на 3217-ом заседании Совета Безопасности ООН) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
115. Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.
116. Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 05.04.2021) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.
117. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. 240 с.

118. Хелльманн У. Борьба с финансированием терроризма как задача мирового сообщества // *Союз криминалистов и криминологов*. 2020. № 4. С. 109-112.
119. Хилюта В.В. Философия глобализации уголовного права // *Российский журнал правовых исследований*. 2019. Т. 6. № 2 (19). С. 73-81.
120. Цепелев В.Ф. О понятии и классификации международных преступлений // *Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Седьмой Международной научно-практической конференции 28-29 января 2010 г.* М.: Проспект, 2010. С. 469-473.
121. Черниченко С.В. Теория международного права. Т.2. Старые и новые теоретические проблемы. М., 1999. С. 419-420.
122. Чернядьева Н.А. О международных подходах правового регулирования борьбы с кибертерроризмом // *Информационное право*. 2016. № 2. С. 26 - 29.
123. Шибков О.Н. Принципы и нормы международного права как источники уголовного права. Дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. 267 с.
124. Эфендиев О.Ф. О противоправности международных военных преступлений // *Международное публичное и частное право*. 2007. № 2(35). С. 40-44.
125. Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., Whiting A. *Cassese's International Criminal Law*. 3rd ed. Oxford University Press, 2013. С. 65-67. 414 p.
126. IV Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны [рус., англ.] (Вместе с «Положением о законах и обычаях сухопутной войны») (Заключена в г. Гааге 18.10.1907) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
127. Kittichaisaree K. *International Criminal Law*. Oxford University Press, 2001. С. 130-133. 482 p.

128. Prosecutor v. Akayesu, Case No. ICTR-96-4, Judgement, 2 September 1998. Para. 516.

129. Reka V. Challenges of Domestic Prosecution of War Crimes with Special Attention to Criminal Justice Guarantees: abstract of PhD thesis. Budapest: Pazmany Peter Catholic University, 2012. 26 p.